

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставки и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печивской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гопорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1901 г. V годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7 Октября.

СОДЕРЖАНІЕ: Закрытіе «Комитета чтеній».—
Послѣднія извѣстія.—Ивъ театральныхъ воспомина-
ній. (Окончаніе). А. Потѣкина. — Съ «верховъ»
народнаго театра. (Продолженіе) П. Казанцева.—
Хроника театра и искусства.—Музыкальная библио-
графія. Р.—Московскія письма. П. Янцева.—Ре-
цензія съ комментаріями. Смиреннаго Библиографа.—

№ 41.

Милочка. (Продолженіе). Н. Лухмановой.—Провин-
ціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: Первое представленіе
«Около денегъ», «Выгодное предпріятіе» (2 рис.),
«Вакантное мѣсто», «Хворая», «Мишура», «Старый
домъ», «Мими», Д. С. Бортнянскій, Новый кiev-
скій театръ, «Сверхчеловѣкъ» и «Сверхпоцѣлуй».

ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА на 1901 годъ
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

Съ 1 Іюля по 1 Января 4 р. (годъ съ 1 Января 6 р.—
подписчики получаютъ всѣ номера).

За перемѣну адреса иногороднаго на иногородній пла-
тится 25 к., городского на иногородній и обратно 60 к.

При заявленіяхъ о взносахъ и перемѣнахъ адре-
совъ просятъ обозначать № бандероли.

О книгѣ 2 Съѣзда.

Совѣтъ Театральнаго Общества за № 2817 пре-
проводилъ въ редакцію слѣдующее отношеніе.

Усматривая въ незначительномъ количествѣ подписчиковъ
на предполагавшееся, по соглашенію съ редакціей журнала
„Театръ и Искусство“, изданіе „Книги Второго Съѣзда“, не-
достатокъ интереса къ ней со стороны читающей публики,—
Коммисія по организациіи Второго Всероссийскаго Съѣзда
сценическихъ дѣятелей, въ г. Москвѣ, въ засѣданіи своемъ,
26-го сентября 1901 года, рѣшила не выпускать въ свѣтъ
отдѣльнымъ изданіемъ „Книгу Второго Съѣзда“, а ограничиться
официальнымъ отчетомъ о немъ въ годовомъ Отчетѣ Обще-
ства за 1901 годъ. Такимъ образомъ, всѣ члены Общества
будутъ имѣть возможность познакомиться съ „Трудами Съѣзда“,
безъ всякаго, при томъ, обремененія Кассы Общества излиш-
нимъ расходомъ.“

Въ виду вышеозначеннаго отношенія, редакція
предлагаетъ гг. подписчикамъ на „Книгу 2 Съѣзда“
получить обратно деньги, или замѣнить, по же-
ланію, предполагавшуюся книгу какимъ нибудь дру-
гимъ изданіемъ журнала.

С.-Петербургъ, 7 октября 1901 г.

Въ Парижѣ надѣлало много шума закрытіе «ко-
митета чтеній» при театрѣ «Французской Ко-
медіи». Комитетъ этотъ состоялъ изъ «общ-
никовъ» театра, являющихся, какъ извѣстно,
распорядителями репертуара. Министръ народ-
наго просвѣщенія Лейгъ, на вопросъ сотруд-
ника «Фигаро», почему комитетъ закрыть, отвѣтилъ:
«са не marche pas». Дѣло идетъ плохо, несмотря на
то, что правительство доплачиваетъ ежегодно нѣ-
сколько сотъ тысячъ франковъ на содержаніе «дома
Мольера». И одной изъ главныхъ причинъ, препят-
ствующихъ развитію Французской Комедіи, былъ
именно этотъ комитетъ, безъ санкціи котораго ни
одна пьеса не могла попасть на подмостки. Акте-
ровъ-членовъ комитета обвиняли въ рутинѣ, въ по-
кровительствѣ авторамъ, въ фаворитизмѣ, въ вы-
борѣ пьесъ съ ролями, въ давленіи на свободу
творчества. Правительственный директоръ, Жюль
Кларти отказывался поправить дѣло, пока будетъ
существовать эта коммисія чтеній. Когда «чаша
терпѣнія» переполнилась, министръ Лейгъ, вообще,
не мало сдѣлавшій для театра, особенно народнаго
(ему, между прочимъ, французскіе народные театры
обязаны бесплатными гастрольями актеровъ казенныхъ
и субсидируемыхъ театровъ въ народныхъ спектак-
ляхъ), рѣшилъ наложить руку на это учрежденіе.
Общники обидѣлись, и одно время говорили, что
они выйдутъ въ отставку, но когда министру на-
мекнули на возможность такой коллективной от-
ставки, онъ очень тонко отвѣтилъ: «это доставитъ
удовольствіе многимъ актерамъ частныхъ сценъ».
Вообще, вопросъ этотъ можно считать окончательно
рѣшеннымъ, и комитетъ чтеній при «Comédie Fran-
çaise» приказалъ долго жить.

Было бы ошибочно, однако, въ этомъ закрытіи
театрально-литературнаго комитета при «Французской
Комедіи» видѣть желательный прецедентъ для раз-

рѣшенія вопроса о существованіи нашего литературно-театрального комитета. Существованіе послѣдняго представляется намъ, наоборотъ, важнымъ для того, чтобы предохранить наводненіе сцены «театральными штуками», «choses au théâtre» — къ которымъ питаютъ у насъ столь большое пристрастіе. Вліяніе актеровъ на выборъ репертуара значительно и теперь, при существованіи театрально-литературнаго комитета. Оно станетъ еще больше, при упраздненіи послѣдняго. Надо считатьъ съ особенностями страны и традиціями театра. Актеры «Французской Комедіи», безспорно, большіе рутинеры, протухшіе, если можно выразиться, классицизмомъ. Нашъ комитетъ, во-первыхъ, постоянно обновляется, во-вторыхъ, состоитъ изъ людей «со стороны», а въ-третьихъ, никогда не замыкался въ предѣлы какой нибудь школы. Онъ просто безалаберно снисходителенъ. Но упраздненіе комитета поведетъ къ еще большей снисходительности и еще большей бесистемности.

Говорятъ, что коммисія изъ «режиссеровъ» (т. е. изъ помощниковъ, потому что гдѣ-же эти многочисленные режиссеры?) будетъ одобрять пьесы къ представленію. Эти мифическіе «режиссеры» въ еще большей степени нежели общники «Comédie Française», будутъ хлопотать о пьесахъ съ ролями. Актеры, вообще, въ этомъ отношеніи всегда заблуждаются, и смѣшиваютъ эффекты роли съ пьесой, упуская изъ виду, что роль только тогда интересна, когда интересна пьеса, и что сама по себѣ, роль не слушается и не смотрится. Избавившись отъ цензуры литературно-театрального комитета, нашъ репертуаръ очень легко можетъ попасть въ область «драмодѣланія». Да, наконецъ, неужели нашъ литературно-театральный комитетъ для кого нибудь стѣснителенъ? Развѣ онъ помѣшалъ процвѣтанію крыловскаго репертуара? Тѣмъ болѣе безопасно имѣть въ распоряженіи Императорскихъ театровъ литературную инстанцію, которая ничему не мѣшаетъ и несетъ на себѣ невинныя редакціонныя обязанности. Будетъ гораздо хуже, если вмѣсто нынѣшняго раздѣленія и раздробленія властей, водворится «сильная рука» «коммисіи режиссеровъ», потому что практически это приведетъ къ усиленію закулисныхъ вліяній и еще большому пониженію художественнаго уровня репертуара.

Намъ пишутъ изъ Москвы: «Вы очень кстати затронули вопросъ о самоутомленіи Императорскихъ актеровъ. Обратите, напримѣръ, вниманіе на то, что творится въ московскихъ Императорскихъ театрахъ. Сборовъ нѣтъ, театры буквально пустуютъ, да и немудрено, — въ то время, когда Коршъ и Художественный театръ усиленно репетируютъ, — казенные, благодаря тому, что понятіе о служебныхъ обязанностяхъ въ этихъ театрахъ поставлено очень странно, посылаютъ гастролеровъ, напримѣръ, въ Минскъ. Уѣхали туда Васильевъ, Парамоновъ, скоро ѣдетъ г-жа Яблочкина, а за ними, можетъ быть, потянутся и другіе. Видано ли что нибудь подобное? Оправдываются разрѣшенія тѣмъ, что за время отпуска жалованье дирекція высчитываетъ. Да вѣдь не въ деньгахъ дѣло, — а въ репетиціяхъ! Лѣтомъ путешествуютъ, зимой путешествуютъ и дошли до того, что у Корша «Флахсмана» — играютъ при аншлагахъ, а въ Новый театръ на эту пьесу никто не идетъ. При подобномъ веденіи дѣла казенные театры превратятся въ инвалидные дома. Въ оперѣ еще хуже: лѣтомъ Шаляпинъ и Собиновъ гастролировали, а теперь отдыхаютъ.»

Одна провинціальная газета, кажется, «Одес. Нов.», по поводу нашей статьи объ этомъ вопросѣ замѣтила, что нужно-де подумать и о провинціи. Очень

можетъ быть, но прежде всего нужно позаботиться объ интересахъ высшаго художественно-театрального учрежденія. И сокровища «Эрмитажа» полезно было бы показать провинціи, но раздроблять ихъ и портить для этой цѣли — мы не рекомендуемъ.

30 сентября и 3 октября, состоялись засѣданія коммисіи по присужденію премій за пьесы, представленныя на конкурсъ Литературно-Художественнаго Общества.

Пьеса было представлено на конкурсъ 183, прочитанныхъ предсѣдателемъ А. С. Суворинымъ и кромѣ того (трудъ, по истинѣ, немалый) нѣсколькими изъ гг. судей. Изъ общаго числа 183 пьесъ 79 признаны были заслуживающими внесенія на обсужденіе коммисіи. Въ засѣданіяхъ коммисіи, кромѣ предсѣдателя А. С. Суворина, участвовали: В. П. Буренинъ, П. П. Гвѣдичъ, князь Д. П. Голицынъ, Е. П. Карповъ и А. Р. Кугель.

Коммисія единогласно рѣшила не выдавать ни первой, ни второй преміи, а ограничиться шестью преміями по 300 р. Затѣмъ большинство голосовъ коммисіи оставилась на слѣдующихъ пьесахъ: 1) «Дѣти Ванюшина», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, присланная при запечатанномъ конвертѣ безъ девиза; 2) «Предки», сцены изъ прошлаго въ 5-ти дѣйствіяхъ, 6-ти картинахъ, девизъ «Терпи Казакъ»; 3) «Волшебникъ», драматическія сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ, девизъ «А, b, c, d»; 4) «Безъ солнца», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, девизъ «На встрѣчу счастья»; 5) «Русалки», комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, девизъ «Много званыхъ, но мало избранныхъ» и 6) «Милліоны въ огнѣ», бытовые картины въ 5-ти дѣйствіяхъ, девизъ «Твори и надѣйся». По вскрытіи пакетовъ съ девизами достойными преміи, авторами оказались: пьесы «Дѣти Ванюшина» С. А. Найденовъ; пьесы «Предки» С. Р. Лесли; пьесы «Волшебникъ» П. М. Ярцевъ; пьесы «Безъ солнца» П. П. Вейнбергъ; «Русалки» Ю. И. Везродная и «Милліоны въ огнѣ» Л. Г. Ждановъ.

Затѣмъ были признаны заслуживающими постановки слѣдующія пьесы: драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Каждому свое»; драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ («Д. Вр.») безъ обозначенія девиза; драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Попытка не пытка»; пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Не унывай»; драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Les chants désespérés sont les plus beaux»; пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Простота — лучшая красота»; драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Всѣ подъ Богомъ ходимъ»; пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ («Ноч-и»), безъ указанія девиза; комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Esto mihi in Deum protectorem»; сцены изъ жизни столичнаго муравейника, подъ девизомъ «Operibus credite, non verbis»; драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable»; историческія бытовые сцены XVIII вѣка въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Историческая правда»; драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Что жизнь — заглохшій садъ»; комедія, подъ девизомъ «Быть или не быть». Кромѣ всего вниманіе гг. судей обратили на себя пьесы: драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Вѣрь, трудись и надѣйся»; пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Labor est nobilitas mea»; сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «Тутъ для меня вопросъ совѣсти» и комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, подъ девизомъ «А нонъ латярь но-во-но».

Въ случаѣ если бы авторы пожелали огласить названія пьесъ и свои фамиліи, они могутъ заявить дирекціи о своемъ желаніи и разрѣшить вскрыть присланные при ихъ пьесахъ конверты съ девизами.

Какъ мы слышали, возникъ проектъ отчислять 5% съ вознагражденія артистовъ Императорскихъ театровъ въ запасный капиталъ, который будетъ выданъ на руки артистамъ, при оставленіи службы, по какимъ-либо причинамъ, вмѣстѣ съ наросшими процентами.

Какъ намъ передаютъ, вопросъ объ изданіи «Ежегодника Императорскихъ театровъ» подвергается новому разсмотрѣнію, такъ какъ встрѣчаются препятствія со стороны государственнаго контроля.

Отъ редакціи.

Редакція, приступая къ VI выпуску «Словаря сценическихъ дѣятелей», проситъ гг. сценическихъ дѣятелей, фамиліи коихъ начинаются съ буквъ Е, Ж, З и И, поспѣшить высылкой портретовъ и біографическихъ данныхъ.

Изъ театральныхъ воспоминаній.

(Продолженіе).

Мартыновъ съ перваго слова до конца пьесы нигдѣ не измѣнилъ принятаго вѣрнаго тона рѣчи, точно онъ былъ ему прирожденный, точно онъ родился въ крестьянской семьѣ, выросъ и воспитался на крестьянскомъ жаргонѣ. Съ первой сцены съ отцомъ, въ тѣхъ отрывистыхъ и уклончивыхъ отвѣтахъ, которые онъ давалъ на вопросы отца, и затѣмъ въ бойкомъ разговорѣ съ братомъ и разсказѣ о поѣздкѣ на ярмарку, Мартыновъ съумѣлъ рельефно и ярко намѣтить всѣ основныя черты характера и типа Мишанки. Его разсказъ о своей тройкѣ былъ полонъ такого искренняго увлеченія, естественнаго восторга, доходилъ до такого паэоса, что въ зрительной залѣ послѣ него всегда поднималась цѣлая буря: крики bravo и аплодисменты долго не смолкали и увлеченные зрители не разъ требовали повторенія, точно прослушали какую-нибудь любимую арію изъ оперы. Съ этого момента Мишанка уже

дѣлался симпатиченъ для публики, она принимала въ немъ живое участіе, онъ дѣлался ея любимцемъ. И, несмотря на то, что въ продолженіе всей пьесы Михайло велъ себя не по-рыцарски, былъ героемъ въ отрицательномъ смыслѣ: хотѣлъ затаить чужія деньги, напивался пьянъ до бѣшенства, вдался въ разгулъ, буйствовалъ и даже покушался на убійство отца,—зритель не переставалъ любить его, не отвращивался отъ него съ отвращеніемъ, какъ отъ безнадежно развращеннаго, но жалѣлъ его и безсознательно чувствовалъ, что такая натура не должна безвозвратно погибнуть. Такое впечатлѣніе, разумѣется, весьма желательное и для автора, давало это лицо, благодаря художественному исполненію Мартынова, сдѣлавшему его вполне живымъ человекомъ, умѣвшему указать добрыя задатки, хорошія человѣческія черты въ этомъ невѣжественномъ мужикѣ, доходившемъ подчасъ, подъ вліяніемъ вина и страсти, чуть не до звѣрскаго бѣшенства.

Съ поразительною искренностью и простотой, безъ малѣйшаго подчеркиванія, заставлялъ Мартыновъ зрителя замѣтить эти хорошія черты натуры Михайлы, раскиданныя въ разныхъ сценахъ и словахъ его, наприм., въ разговорѣ съ братомъ Алексѣемъ: „А что, вѣдь и вправду, Алеха... Вѣдь, дай мнѣ волю, всю какъ есть полную свободу... вѣдь, я пропащій человекъ... пра!... Вотъ, какъ я, примѣрно,

расхожусь, — всего давай, только — мало!... И во всякій грѣхъ пойду, — стыда нѣтъ... А какъ тутъ самъ себя опосля почувствую, такъ совѣсть зазритъ, что бѣда!“ Или въ словахъ брату, котораго онъ считалъ, вмѣстѣ съ другими, простачкомъ и дурачкомъ за его смиреніе и конфузливость: „Слушай, Алеха,—за что тебя люди дуракомъ зовутъ?... Нѣтъ, я такъ полагаю, что ты умнѣе всѣхъ насъ... и меня много умнѣе...“ И, въ отвѣтъ на ласковыя слова матери: „Хотѣлъ было я у батюшки проситься въ отдѣлъ... Да ужъ теперь, кажись, гнать будетъ, такъ не пойду изъ своего родного дома, значитъ, родительскаго“. Или въ его мечтахъ о свободной, богатой жизни, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ у него желаніе сдѣлать жену купчихой, видѣть ее нарядною, въ салопкахъ, въ шляпкахъ. Или въ продолженіи всей интимной бесѣды съ женою послѣ того, какъ деньги найдены и отняты отцомъ. Или, наконецъ, даже у пьянаго, во время разговора съ лакеемъ, который убѣждалъ его отнять у отца деньги и бѣжать, бросивши жену, когда Михайло произноситъ: „Жену?.. а дѣтки какъ же?...“ Я не говорю уже о сценахъ раскаянія и примиренія въ послѣднемъ актѣ, которыя да-

— КЪ ЮБИЛЕЮ А. А. ПОТЪХИНА. —

Г-жа Хлѣбникова. Г. Арди.

Г. Сазоновъ.

Первое представленіе «Около денегъ».

вали Мартынову полную возможность дорисовать человѣческую личность Михайлы.

Впослѣдствіи, а не во время первой постановки „Чужого добра“, автору приходилось читать упреки за то, что герой его драмы въ продолженіе всей пьесы пьянъ,—слѣдовательно, дѣйствуетъ въ состояніи почти невмѣняемомъ и долженъ производить не эстетическое, отталкивающее впечатлѣніе. Авторъ подчинился бы этому приговору безъ возраженія, еслибы это была правда и если бы Мартыновъ не доказалъ, что Мишанку не нужно изображать пьянымъ во всѣхъ актахъ, чего не хотѣлъ и не требовалъ авторъ. Въ 1-мъ и 4-мъ дѣйствіи его Мишанка являлся совершенно трезвымъ, во 2-мъ дѣйствіи—на-веселѣ, безъ малѣйшихъ признаковъ опьяненія, и только въ 3-мъ, въ бесѣдѣ съ лакеемъ, подъ вліяніемъ его возбуждающихъ рѣчей и соблазнительныхъ разсказовъ и рома, который они пили, онъ доходитъ почти до пьянаго бѣшенства разбушевавшейся сильной и страстной натуры.

Трудно передать словами, какъ Мартыновъ провѣлъ сцену съ найденными деньгами. На его подвижномъ лицѣ, въ его голосѣ, въ отрывистыхъ фразахъ, въ судорожныхъ движеніяхъ ярко выражалось все его душевное состояніе: и волненіе неожиданности, и сомнѣніе, и радость, и страхъ, и смутныя укору совѣсти. Онъ былъ страшенъ и жалокъ въ тѣ

момента, когда отецъ требуетъ, чтобъ онъ отдалъ ему найденныя деньги, онъ напоминалъ собою разъяреннаго звѣря, готоваго броситься на врага, но трусливо, со злымъ ревомъ, отступающаго передъ болѣе сильнымъ противникомъ, отнимающимъ у него добычу. Голосъ его становился глухимъ и хриплымъ, онъ весь дрожалъ, прижимая деньги къ груди и сверкая глазами, съ усиленіемъ выговаривалъ и повторялъ слова: „Ватюшка, деньги мои, я нашелъ!.. Деньги мои, батюшка, я нашелъ!..“ Онъ не отводилъ глазъ отъ этихъ денегъ и невольно судорожно протыгивалъ къ нимъ руки, когда уже онъ былъ въ рукахъ отца. Въ этой сценѣ публика впервые увидала въ Мартыновѣ великаго драматическаго актера, она пришла въ восторгъ, рукоплескала, безъ конца вызывала его, но она не предвидѣла, не могла ожидать, до какого размѣра развернется передъ нею эта драматическая сила въ слѣдующихъ актахъ и преимущественно въ послѣднемъ.

Во 2-мъ актѣ, въ противуположность впечатлѣнію, данному концомъ 1-го дѣйствія, публика видѣла опять своего знакомаго, милаго, неистощимо веселаго комика въ бесѣдѣ Михайла съ женой, гдѣ онъ пьетъ чай наединѣ съ нею, по-своему любезничаетъ, бахвалится, высказываетъ свои мечты о будущемъ и самъ того не замѣчаетъ, какъ подъ вліяніемъ ласковыхъ и льстивыхъ рѣчей жены открываетъ ей тайну своего обогащенія, которую долженъ былъ тщательно скрывать. Жену, Татьяну, играла незабвенная, незамѣнимая Линская, громадный комическій талантъ, и эта сцена между ними представляла такой художественный по правдѣ, по жизненности, по истинному комизму дуэтъ, какой рѣдко удается видѣть и слышать на драматической сценѣ. Веселый разгулъ на сельской ярмаркѣ, пѣніе и пляска съ участіемъ Мартынова допояняли то легкое радужное настроеніе, въ которомъ держалъ публику этотъ великій актеръ въ продолженіе всего второго акта. И этотъ великій драматическій актеръ, этотъ гений не считалъ для себя униженнымъ съ увлеченіемъ пѣть въ хороводахъ и плясать въ присядку, и какъ плясать! — какъ могъ только онъ, учившійся въ школѣ балетному искусству и чуть не опредѣленный начальствомъ въ танцовщики. И публика не стыдилась заставлять его повторять эту пляску и онъ исполнялъ ея требованіе, несмотря на то, что игралъ сильную драматическую роль и почти не сходилъ со сцены въ продолженіе всей пьесы. Физическія силы этого великаго художника въ его тощемъ тѣлѣ казались такъ же неистощимы, какъ и его гений, но это была сила нервная, почти психическая, сила того артистическаго огня, который горѣлъ въ его душѣ и поддерживалъ его физическія силы, но который преждевременно и разрушилъ его тѣло.

Кто былъ на представленіяхъ „Чужого добра“ съ Мартыновымъ, конечно, никогда не забудетъ того гомерическаго хохота, который раздавался въ театрѣ въ 3-мъ дѣйствіи при появленіи Мишанки въ шинели, кушленной имъ у дружка-лакея. Комичнѣе, забавнѣе этой фигуры, заплетающейся въ длинныхъ полахъ непривычнаго костюма и гордо его показывающаго, трудно что-нибудь представить себѣ, особенно когда онъ вынимаетъ бутылку и съ достоинствомъ говоритъ: „А вотъ эту штуку видали ли, а? Знаете ли, какое вино-то, а? То-то, не знаете! Вино настранное: ромъ лманскій называется, съ чаемъ пьютъ! по два цѣлковыхъ бутылка... клопомъ пахнетъ... вотъ какая штука!..“ Но зритель скоро переставалъ смѣяться и замиралъ въ ожиданіи чего-то страшнаго, по мѣрѣ увеличившагося бурнаго опьяненія Мишанки, причѣмъ, повидимому, выросли и звѣрскія страсти, и физическая сила этой широкой натуры..

Мартыновъ былъ не высокъ ростомъ и очень тщедушенъ, худошавъ, но сила нравственнаго возбужденія проявлялась въ такой мѣрѣ, что онъ казался богатыремъ, вѣрилось въ его богатырскую тѣлесную силу и не казалось невозможнымъ, что онъ въ состояніи вырвать изъ двери желѣзный крюкъ, и хвостовствомъ пьянаго человѣка его бѣшеный крикъ: „На пятерыхъ одинъ пойду, пикнуть не дамъ!“ Онъ, дѣйствительно, былъ страшенъ и могучъ въ эту минуту. И страшно было глядѣть на него и слушать его отвѣты, и его угрозы отцу: „Ну, смотри, батька, ты меня выгналъ, — помни это... А кланяться я къ тебѣ не приду“. Послѣ этой сцены, по уходѣ Мишанки съ лакеемъ, въ театрѣ раздавались такія рукоплесканія, крики и вызовы, что слѣдующій за этимъ уходомъ монологъ отца, сильный и заключающій собою дѣйствіе, не производилъ уже на публику ожидаемаго актеромъ впечатлѣнія. Занавѣсъ опускался и снова начинались крики и вызовы Мартынова. Отца игралъ Самойловъ и очень рассчитывалъ на эффектъ этого монолога, особенно потому, что имъ оканчивается дѣйствіе и, слѣдовательно, имъ производится послѣдній ударъ на нервы и впечатлительность зрителя, который и разрѣшается шумнымъ одобреніемъ актера; на этотъ разъ публика помнила только впечатлѣніе, данное ей Мартыновымъ, и усиленно вызывала его. Самолубивый В. В. Самойловъ былъ оскорбленъ и разсерженъ.

— Развѣ можно такъ писать?—рѣзко и сердито сказалъ онъ мнѣ по окончаніи 3-го дѣйствія.

— Что такое, В. В.?

— Да какъ вы кончили этотъ актъ? Финалъ акта долженъ быть всегда сильнѣе предъидущаго, а вы дали самую сильную сцену передъ финаломъ. Я больше не буду играть эту роль.

Послѣ убѣдительной просьбы и чтобы не остановить представленій, онъ согласился еще нѣсколько разъ сыграть свою роль, но подъ условіемъ сократить послѣднюю сцену 3-го акта такимъ образомъ, что онъ будетъ говорить только послѣднюю фразу своего монолога вслѣдъ уходящему Мишанкѣ, прямо подъ занавѣсъ, такъ что оваціи, раздававшіяся въ театрѣ, могъ принимать и на свой счетъ и вмѣстѣ съ Мартыновымъ выходить на вызовы. Впослѣдствіи онъ, все-таки, отказался отъ этой роли.

Полное торжество Мартынова и окончательное признаніе въ немъ сильнаго драматическаго актера былъ послѣдній актъ пьесы. Я никогда не забуду того ужаснаго, искаженнаго, страшнаго и жалкаго, въ то же время, лица, съ которымъ шелъ Мишанка (Мартыновъ) вслѣдъ за Леонидомъ въ избу, гдѣ спалъ отецъ; никогда не забуду того сдавленнаго, глухого, дрожащаго шопота, съ которымъ онъ говорилъ: „Погоди... страшно... я уйду... отецъ онъ...“ Онъ весь дрожалъ, весь какъ-то съежился, былъ нестерпимо жалокъ, точно его вела какая непобѣдимая сила, точно его самого влекли на казнь, на пытку... И тѣмъ сильнѣе, потрясающе дѣйствовалъ его крикъ: „Не я, батюшка, не я... Это онъ, онъ меня сомутилъ... я его убью, задушу...“—и яростное движеніе броситься на Леонида, на своего нравственнаго палача, вовлекшаго его въ преступленіе, заставившаго его пережить такую нравственную пытку. И тѣмъ трогательнѣе были его отчаяніе, его раскаяніе, его рыданія, его вопль: „Ватюшка, коли хочешь меня казнить, казни изъ своихъ рукъ... Твой я сынъ... суди меня своимъ судомъ...“ Публика была потрясена. Рыданія слышались въ театрѣ и многіе, многіе изъ зрителей утирали слезы умиленія, когда отецъ простилъ сына, и Мишанка, радостный, точно ожившій, преобразившійся, цѣловалъ ноги отца и кидался ко всѣмъ роднымъ на шею, восклицая со слезами: „Ба-

— Къ юбилею А. А. Потѣхина. —

«Выгодное предпріятіе»
(Шумскій въ роли Ковырнева).

тешка, по конецъ жизни твой вѣрный слуга... матушка, радѣльница.. батюшка, брательникъ... равно изъ аду вы меня вытащили!..»

Мужицкая драма охватила, подняла публику и имѣла блестящій успѣхъ. Всѣ актеры, участвовавшіе въ ней, играли очень хорошо, но жилъ и далъ жизнь пьесѣ преимущественно Мартыновъ. Но и онъ самъ говорилъ мнѣ, что эта пьеса дала ему вѣру въ свои силы, какъ драматическаго актера, и указала для его таланта болѣе широкую дорогу, — къ великому общему горю, не надолго.

Послѣ перваго представленія „Чужого добра“ прямо изъ театра я поѣхалъ на вечеръ къ Краевскому. Тамъ было нѣсколько человекъ литераторовъ, изъ которыхъ многіе были на этомъ представленіи. Много поздравленій, привѣтствій и похвалъ пришлось мнѣ выслушать, но никто меня не порадовалъ и не осчастливилъ такъ, какъ А. Θ Писемскій своимъ отзывомъ. Я былъ друженъ и близокъ съ Писемскимъ больше, чѣмъ со всѣми другими петербургскими литераторами. Насъ сблизила жизнь въ Костромѣ, гдѣ мы оба служили: онъ — въ губернскомъ правленіи, я — чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, и въ теченіе двухъ лѣтъ почти ежедневно проводили вечера вмѣстѣ. Я былъ молодымъ, только что начинающимъ писателемъ, онъ — гораздо старше меня и уже пріобрѣлъ довольно крупное литературное имя. Я дорожилъ его вниманіемъ и привѣтомъ, онъ относился ко мнѣ съ большою пріязнью и мы скоро сошлись на „ты“. Мы читали другъ другу свои произведенія часто по листамъ, по главамъ, по мѣрѣ того, какъ они писались. Или, вѣрнѣе сказать, больше онъ прочитывалъ мнѣ то, что писалъ за это время, иногда совѣтовался со мной, позволяя высказывать свое мнѣніе и даже дѣлать замѣчанія, но это случалось рѣдко, потому что я слушалъ его болѣею частью съ восторгомъ, съ

увлеченіемъ, считая его въ то время, какъ считаю и теперь, большимъ, сильнымъ, хотя иногда и неряшливымъ талантомъ. Я же рѣдко и со страхомъ рѣшался перечитывать ему что-нибудь изъ своихъ новыхъ работъ, потому что о моихъ прежнихъ, напечатанныхъ уже вещахъ однажды онъ, со свойственною ему откровенностью, выразился такимъ образомъ: „Ты безспорно уменъ, и берешь только умомъ, а таланта въ тебѣ я не вижу“, — и только одинъ разъ, слушая какой-то отрывокъ изъ романа „Крестьянка“, который я въ то время писалъ, промолвилъ: „Вотъ это талантливо!... это хорошо!“

Я зналъ, что Писемскій не изъ тѣхъ людей, которые способны увлекаться и приходиться въ восторгъ и умиленіе отъ чего-либо, — напротивъ, онъ былъ наклоненъ къ скептицизму, къ ироніи, къ отрицанію и въ приговорахъ своихъ, и въ насмѣлкѣ былъ иногда беспощаденъ и золъ. Поэтому, когда я увидѣлъ его входящимъ къ Краевскому и услышалъ, что онъ заявлялъ кому-то, что сейчасъ прямо изъ Александринскаго театра, я готовъ былъ спрятаться отъ его глазъ, чтобы не услышать какой-нибудь неблагоприятный или насмѣшливый отзывъ о моей пьесѣ и тѣмъ не нарушить бы то радостное, счастливое настроеніе, которое испытываетъ каждый авторъ при несомнѣнномъ, какъ ему кажется, успѣхѣ его литературнаго дѣтища. Но въ это время Писемскій увидѣлъ меня, быстро подошелъ ко мнѣ, обнялъ съ несвойственною ему нѣжностью и, пожимая мою руку, проговорилъ: „Вотъ эта драма... настоящая!... Я до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія. Спасибо тебѣ!“ Эти слова были для меня самою болѣею радостью дня, самою высокою наградой. Дружба моя съ Писемскимъ продолжалась до конца его дней, и, вспоминая о немъ, я всегда съ грустью думаю о томъ, какъ мало и неправильно былъ онъ понятъ и оцѣненъ не только какъ чело-вѣкъ, но даже и какъ писатель.

— Къ юбилею А. А. Потѣхина. —

«Вакантное мѣсто».
(Свободинъ въ роли полиц. Звонищева).

„Чужое добро въ прокъ нейдетъ“ облизало меня съ Мартыновымъ: мы сдѣлались друзьями, но я не имѣлъ болѣе счастья видѣть его исполнителемъ и истолкователемъ въ моихъ драматическихъ произведеніяхъ. Въ 1860 году его не стало, и хотя еще въ 1858 году я написалъ комедію „Мишура“, въ

КЪ ЮБИЛЕЮ А. А.
ПОТЪХИНА.

«Мишура».

Г. Н. Федотова, въ
роли Дашеньки.

которой, разумѣется, Мартыновъ игралъ бы ту роль, которую самъ выбралъ, но пьеса эта была запрещена для представленія на сценѣ и появилась только въ сезонъ 1862—63 года. Къ сожалѣнію, я не былъ въ Петербургѣ ни во время похоронъ Александра Евстафьевича, ни тогда, когда литераторы давали ему обѣдъ и подносили ему адресъ, но онъ зналъ, что сердцемъ и духомъ я былъ съ нимъ и, рассказывая мнѣ со слезами умиленія о тѣхъ почестяхъ, которыми его почитилъ литературный міръ, говорилъ мнѣ, что онъ требовалъ, чтобы на лавровомъ вѣнкѣ, на листьяхъ котораго были написаны всѣ исполненные имъ роли и пьесы, „Чужое добро въ прокъ нейдетъ“ стояло въ срединѣ или въ узлѣ вѣнка, делая этимъ показать, что эта пьеса связывала его дѣятельность, какъ комика и драматическаго актёра.

А. Потѣхинъ.

Съ „верховъ“ народнаго театра.

(Продолженіе *).

Нашъ мужичекъ не имѣетъ никакого представленія о современной сценѣ. Попадая случайно въ театръ, онъ невольно теряется въ массѣ получаемаго впечатлѣнія, и поэтому наблюдателю можетъ показаться, на первый разъ, что нашъ мужичекъ не подготовленъ и не способенъ понимать современную драму. Привожу ниже свои наблюденія, которые какъ будто даже убѣждаютъ насъ въ этомъ.

1) На сценѣ разыгрывается весьма трогательная и чувствительная вещь „Вторая молодость“ Невѣжина. Лизѣ вчужь становится жутко за Константина Сергѣевича Литовцева. Невѣжинъ не проситъ ему „второй молодости“. И по дѣломъ! Сочетавшемуся законнымъ бракомъ любить не полагается. Вотъ надвигается грозная туча, вотъ несутся проклятія со стороны „общества“, жены, дѣтей.. Во второмъ ряду галлерей сидитъ мужичекъ, житель далекой отъ насъ деревни.—Землякъ, откуда? Зачѣмъ въ Саратовѣ? Привезъ что нибудь, на заработки пришелъ? Говори!—закидалъ я во время антракта вопросами дорогого гостя.

— За сто съ лишнимъ верстъ отъ Саратова живемъ. По дѣлу прѣехали. Керосиновый двигатель изъ губернской типографіи купилъ, для крупорушки значить, да онъ того... какъ будто чего-то не хватаетъ... девяностъ рублей далъ.

— Ого, однако... а какъ въ театръ попалъ?

— Да вотъ этотъ прокурать-то затащилъ, указалъ онъ на товарища. Впервые въ театрѣ. Сорокъ разъ въ Саратовѣ былъ, а до театра не удосуживался.

— Ну, что, какъ?

— Ничего себѣ. Все это житейское. Это нашему брату приходится. Диковиннаго ничего нѣтъ. Недалеко ходить, свой дядя, еще и теперь живъ, здѣсь, въ Саратовѣ шляется съ своей... Жилъ онъ съ своей старухой въ достаткѣ. Старуха была сердобольная: стравниці-пускала ночевать. Вотъ одна этакая странница, прости, Господи, и навяза-

лась. Лѣтъ тридцать пять ей было. Старика-то и опонъ какимъ-то зельемъ (такое поило, говорятъ, есть), ну, вѣтъ, значить, старикъ и вскружись, вѣрзался въ эту странницу, ну, и тамъ старуху свою бросилъ, домъ продалъ всего лишь за 150 руб., а онъ небось 500 руб. стоить. Сталъ дядя куралесить. Сродственники хотѣли эту под... убить, да не пришлось; теперь дядя въ городѣ... Если совѣсть-то потеряешь... А то еще случай вышелъ. Старшина у насъ съ работницей связался. Все тоже промоталъ. Врагъ-то силентъ. Совѣсть-то потеряешь... А то вотъ еще. Ыхалъ я сюда, въ Саратовъ; въ деревнѣ, отсюда недалеко... да вотъ, какъ эта деревня-то называется?.. Остановился я почевать. Парень на гулящей дѣвкѣ поженился. Думалъ, что все по закону будетъ, а наконецъ вышло—однѣ грѣхъ. У этихъ... совѣсти-то нѣтъ. Ну, Татьяна Алексѣевна, г-жа Телѣгина, достается вамъ. Мужичекъ разошелся. Я поспѣшилъ на помощь къ Татьянѣ Алексѣевнѣ. виновата-ли эта учительница, эта бѣдная дѣвушка, что она полюбила эгого барина? Вѣдь это не ба ловство какое! Бываютъ озорныя дѣвки, я объ этомъ не говорю, ну, а если дѣвушка въ самомъ дѣлѣ полюбила,—если и баринъ ее полюбилъ отъ всего сердца?.. Ну что тутъ подѣлаешь. Причемъ тутъ совѣсть, совѣсть!..

Мужичекъ съ широко открытыми глазами смотрѣлъ на меня и, очевидно, не понималъ моей реплики. Наступило молчаніе. Прозвенѣлъ третій звонокъ къ четвертому акту.

— Теперь, небось, судъ будетъ,—сказалъ какъ-бы про себя мужичекъ, и мы пошли занимать мѣста.

2) „Родина“ Зудермана. Антрактъ. Сидитъ женщина, лѣтъ 40, крестьянка. Около нея молодой человекъ, изъ мастеровыхъ, объясняетъ: „вамъ-бы на комедію, тамъ и посмѣяться можно, а тутъ плакать пужно; это драма, настоящая, значить, былъ, а тамъ комедія...“ Женщина слушала съ видимымъ недовѣріемъ. Представленіе, очевидно, не нравилось.

3) „Каширская старина“ Аверкіева. Говорю съ крестьянкой, лѣтъ 35, которая живетъ за 60 верстъ отъ Саратова, въ театрѣ первый разъ. Спрашиваю: что это старики-то ругаются? (Коркинъ и Бородавка). Отвѣчаетъ: „а кто ихъ знаетъ,—не разберешь; иное слово поймешь, а иное нѣтъ. Должно быть, изъ-за невѣсты. Эти старики должно быть сваты. Дивлюсь я, какъ тутъ, въ Саратовѣ, весело живутъ. У насъ, въ деревнѣ, въ 40—45 лѣтъ и не улыбеешься. Жизнь невеселая, трудовая. Щи да хлѣбъ, да и тѣхъ нѣтъ. Помощь земская не равно дается (во время голода 1899 г.): кто родной, кто знакомый... а смиренный такъ съ голоду и мретъ. А тутъ, видишь, развлекаются. Веселѣ. Намъ немножко хоть этого. А то и на томъ свѣтѣ намъ этакъ же придется сверху смотрѣть на счастливыхъ людей... Подхожу къ этой интересной крестьянкѣ послѣ четвертаго дѣйствія. Крестьянка продолжала: „болтаютъ и болтаютъ, ничего тутъ нѣтъ. Все это пустое. Вонъ цѣлуются... Умру—на томъ свѣтѣ скажу, что представленіе видѣла. Если и каждый разъ тутъ такъ, такъ что тутъ такого? Теперь осталась какихъ-то карликовъ посмѣтрѣть“. Сосѣдка крестьянки, женщина лѣтъ 40, очевидно, кухарка, замѣтила: „нѣтъ, тутъ не интересно. Вонъ у Очкина (кафе-шантанъ) — тамъ интересно: тамъ пѣвочки, музыка, куплеты, свистуны... Спрашиваю крестьянку: а жалко молодого барина и Марьицу? Крестьянка отвѣтила, видимо, не понимая меня: „да, болтаютъ... — А вы какъ бы поступили на мѣстѣ этого стараго барина (Коркина)? — вновь спрашиваю я, желая получить болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ. Крестьянка также уклончиво отвѣтила: „болтаютъ... карячатся...“

4) „Царская невѣста“ Мей. Сидитъ крестьянинъ, въ суконной поддевкѣ; прѣхалъ изъ-за 70 верстъ отъ Саратова; въ народномъ театрѣ первый разъ. Смотритъ равнодушно. Зѣваетъ. Спрашиваю: интересно? Отвѣчаетъ, не глядя на меня, нѣхота: „интересно“. — Раньше не видали эту штуку? — „Видѣлъ, въ зимнемъ театрѣ представляли Аскольдову могилу,—все такая же чепуха“. Когда Григорій Грязной подносилъ любимой дѣвушкѣ вина якобы съ приворотнымъ зельемъ, я спросилъ: что это? Отравилъ что-ли?... Отвѣчаетъ: „а кто его знаетъ“. — А еще придешь въ театръ? — „Нѣтъ, некогда“. — А что, если эти представленія въ деревню, — будетъ народъ ходить на нихъ? — „Отчего не ходить, да Денегъ-то въ деревнѣ нѣтъ“. Мнѣ не хочется отстать отъ крестьянина, и я продолжаю нелегкій разговоръ: а что, не понялъ я, про какого это царя тутъ поминуютъ: про самодѣльщика, или такъ? — „Знамо дѣло — представляютъ“, отвѣчалъ крестьянинъ.

5) „Чародѣйка“ Шпажинскаго. Разговорился я съ крестьяниномъ, который служилъ въ работникахъ, прѣхалъ съ хозяиномъ изъ Баланды за желѣзомъ, первый разъ въ театрѣ. Крестьянинъ смѣялся отъ начала до конца; но смѣхъ былъ какой-то странный, робкій, дѣла-

*) См. № 40.

ный; можетъ быть, крестьянинъ этотъ пришелъ въ театръ съ намѣреніемъ посмѣяться, такъ какъ слышалъ, можетъ быть, что *представляютъ смѣшно*. Правда, нѣкоторые словечки Паисія, дѣйствительно смѣшили его; крестьянинъ хлопалъ по бедрамъ руками и шепталъ: „вогъ такъ потѣха... Забавно... ну, и отиѣлы...“ но общій смыслъ пьесы мужичкомъ былъ не понятъ; я заинтересовался имъ и подсѣлъ къ нему. Въ первомъ дѣйствіи я спросилъ его, указывая на молодого боярина: а это кто же будетъ? Мужикъ нехотя отвѣтилъ: „а кто его знаетъ“. Во второмъ дѣйствіи, когда княгиня уходитъ изъ комнаты, гдѣ разговариваетъ мужъ съ гостемъ-бояриномъ и говоритъ: „терпѣнья нѣтъ!“ Я опять спрашиваю: зачѣмъ она ушла? Чего обидѣлась? Мужикъ съ какою-то виноватой улыбкой, молча, качаетъ отрицательно головой. Кака-то старуха, замѣтивъ деревенскаго гостя, начала, въ свою очередь, тоже приставать къ нему съ разпросами. Малый не выдержалъ и сбѣжалъ... Я выбралъ другую жертву. То былъ мужикъ, лѣтъ 35, изъ деревни, изъ-за 10 верстъ отъ Баланды. Суровый, неразговорчивый. Нѣсколько разъ безуспѣшно пытался я заговорить

6) „Бѣшенныя деньги“ Островскаго. Гуляетъ мужикъ въ антрактѣ съ какой-то женщиной, и женщина ему говоритъ: „Это миллионщикъ, а не образованный. А тѣ -- помѣщики-дворяне; имъ не хочется, чтобы ихъ невѣста московская вышла замужъ за какого-то страннаго (со стороны), а миллионщикъ на 3000 руб. поспорилъ... Мужикъ все время какъ бы изъ приличія вторилъ ей своеобразными междометіями — угу, угу... Во второмъ антрактѣ наталкиваюсь на него. Спрашиваю: какъ нравятся вамъ артисты? — Отвѣчаетъ ухмыляясь: „по нашему ничего не значитъ...“ Обращая вниманіе на личность Лидіи, дочь Чебоксаровой, я спрашиваю: неужели есѣ такіе люди? — „Представляютъ... а если не будутъ представлять, ничего и не будетъ“, отвѣчалъ мнѣ черно-рабочіи.

7) „Безприданница“ Островскаго. На галеркѣ сидитъ крестьянинъ, лѣтъ 30, въ суконной поддевкѣ. „Везъ хитрости, матушка, не проживешь!“ говоритъ Огудалова дочери. Крестьянину это, видимо, очень понравилось; онъ улыбнулся на сосѣдей. „Сергѣй Сергѣевичъ пріѣхалъ, ахъ!.. въ деревню! Увезите!“ вскрикиваетъ Лариса

— 8 — КЪ ЮБИЛЕЮ А. А. ПОТѢХИНА. — 8 —

«Выгодное предпріятіе».
А. С. Папчинъ въ роли Ореста.

«Хворая»
Шкаринъ (вол. писарь) М. И. Писаревъ (староста) Нильскій
(мир. посред.).

съ нимъ. Мужикъ не нравилось, что я пристаю къ нему. На мои вопросы онъ отвѣчалъ больше молчаніемъ. Мнѣ помогъ старикъ, сосѣдъ мужика. Заговоривъ со старикомъ объ артистахъ, я, незамѣтно для мужика, вовлекъ его въ общій нашъ разговоръ. Старикъ началъ объяснять мужикъ, какъ чародѣйка приворожила къ себѣ отца и сына. Мужикъ немного повеселѣлъ. „Мы вѣдь люди неграмотные, сказалъ онъ: что мы понимаемъ“. Передъ пятымъ дѣйствіемъ, передъ катастрофой въ домѣ чародѣйки, я говорю мужикъ: вамъ интересно, что дальше-то будетъ. Куда это бояринъ-то побѣжалъ? И сколько я не дѣлалъ наводящихъ вопросовъ, мужикъ не могъ догадаться, какая будетъ развязка пьесы, гдѣ это будетъ и какъ. Отъ всего этого выспрашиванія мужикъ было ужасно неловко, и это понятно. Напротивъ, онъ сразу переродился, когда я заговорилъ съ нимъ о деревенскихъ дѣлахъ. Лицо получило осмысленное выраженіе. Роли наши перемѣнились. Я слушалъ, — онъ объяснялъ. Онъ говорилъ о лошадаяхъ, приобретаемыхъ земствомъ, которыхъ прежде, чѣмъ употреблять въ дѣло, нужно обѣзжать, говорилъ, какъ богатые люди даютъ въ займы, по 1 р. 20 к. пудъ, пшеницу, которую мужики везутъ на базаръ, и продаютъ за 80 к. и на деньги покупаютъ ржаную муку. Когда я спросилъ, зачѣмъ это они дѣлаютъ, мужикъ, въ свою очередь, удивился моему недоумелію. „Какъ зачѣмъ, голова? На 80 коп. мужикъ купитъ два пуда муки ржаной. Это для нашего брата разсчитать...“

Спрашиваю крестьянина: чего она боится? Зачѣмъ въ деревню? Крестьянинъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, покачалъ головой и улыбнулся...

8) „Свѣтитъ да не грѣетъ“ Островскаго и Соловьева. Въ антрактѣ сажусь на лавочку въ саду рядомъ съ двумя мужиками. Одинъ изъ нихъ торговецъ, живетъ въ Саратовѣ, другой — его землякъ, крестьянинъ, лѣтъ 40, пріѣхалъ по дѣламъ изъ Пензенской губерніи. Я обращаюсь къ послѣднему: „не особенно мнѣ нравится представленіе-то, признаться, я впервой здѣсь. Вы не видали раньше эту штуку?“ Крестьянинъ посмотрѣлъ на меня и ничего не сказалъ. Торговецъ за него отвѣтилъ: „какъ же не видѣлъ, сколько разъ... въ Астрахани... въ циркѣ бывалъ, и въ балаганѣ... Я и самъ люблю посмотреть. Вотъ когда у насъ были борцы, въ Саратовѣ, я переносилъ въ циркъ болѣе пяти рублей. Ужъ больно интересно, хочется посмотреть: кто кого положитъ... и началъ мнѣ торговецъ рассказывать про борцовъ россійскихъ съ подробными біографическими данными. Оказалось, ему хорошо извѣстно, кто самый сильный, кто самый ловкій, кто кого сколько разъ положилъ. Втянулся въ общій разговоръ и крестьянинъ изъ Пензы. Третій звонокъ. Встаемъ занимать мѣста. Обращаюсь снова къ крестьянину съ вопросомъ: что это, не понялъ я, къ чему это старикъ-то помянулъ, что въ водѣ что-то плеснуло? Это, должно быть, не рыба плеснула? — „Кто ее знаетъ, отвѣтилъ онъ: намъ не видать было.“ — Это, должно быть, дѣвушка, что любить молодого парня, въ воду бросила. — „Кто ее

знаеть“, повторилъ равнодушно крестьянинъ, не понимая моего наводящаго вопроса.

9) „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“ Островскаго. Встрѣчаю цѣлую крестьянскую семью. Крестьянинъ, лѣтъ 35, дѣвушка, лѣтъ 15, и мальчикъ, лѣтъ 11. Подсаживаюсь къ нимъ и, обращаясь къ крестьянину, спрашиваю: интересно?— „Ничего особеннаго нѣтъ, за что-нибудь надо же деньги брать“. Дѣвочка, очень оживленная, постоянно вертится по сторонамъ, начинаетъ рассказывать мальчику дальнѣйшее содержаніе комедіи со словъ барышни, которая еще дома, куда пріѣхали крестьяне, рассказала, что будутъ представлять. Мальчикъ замѣчаетъ: „въ Аткарскѣ, въ балаганѣ, куда интереснѣй!“ Къ разговору прислушивается городской мальчикъ, лѣтъ 13, и почти съ негодованіемъ восклицаетъ: „балаганъ—что?! Вотъ, „Смерть Ляпунова“, „Подъ солнцемъ юга“,—вотъ хорошо. Послѣ третьяго акта я говорю крестьянину: плохи дѣла лавочника! — „Не знаемъ, кто ихъ знаетъ“, слышу я по мое замѣчаніе. Я не унимаюсь: должно быть Татьяна-то къ своему полюбовнику побѣжала? — „Не наше дѣло... обойдется“, отвѣчаетъ мужичекъ, позѣвывая во весь ротъ.

П. Казанцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ХРОНИКА

театра и искусства.

Гр. Апраксина согласилась на возобновленіе сгорѣвшаго Малаго театра, и вскорѣ начнутся подготовительныя работы.

* * *

По вопросу о дѣятельности справочно-статистическаго Бюро Театральнаго Общества намъ пишутъ: «Бюро прогрессируетъ,—это несомнѣнно, но еще замѣтите это, если сравнить 1897 г. и 1898 г.—начало реорганизации этого учрежденія и перемѣны въ личномъ составѣ. Въ 1897 г. контрактовъ было заключено черезъ Бюро 277, а въ 1898 г. ихъ уже заключено 879, т. е. больше, чѣмъ втрое противъ прошлаго года. Таковы наиболѣе разительныя цифры роста операций.

* * *

Для изученія театральнаго дѣла болгарское министерство народнаго просвѣщенія командировало въ Россію артиста болгарской народной драматической труппы г. Попова. Отъ министра Императорскаго двора послѣдовало разрѣшеніе г. Попову съ цѣлью специализированія по драматическому искусству присутствовать на репетиціяхъ и спектакляхъ въ Императорскихъ театрахъ и театральныхъ училищахъ Петербурга и Москвы. Въ настоящее время Поповъ находится въ Москвѣ и пользуется предоставленнымъ ему вышеупомянутымъ правомъ.

* * *

По словамъ «Новостей» въ Петербургѣ утверждается артель театральныхъ плотниковъ.

* * *

Въ декабрѣ въ Петербургъ пріѣзжаютъ китайскіе актеры, въ репертуарѣ которыхъ имѣется всего 3 пьесы: «Золотая лилія», «Луна» и «Покровительство дракона», по 12 актовъ каждая. Изъ Петербурга труппа отправится въ Москву, Кіевъ и Одессу.

* * *

Новинки сезона.

— Въ понедѣльникъ, 8-го октября, на сценѣ театра Литературно-Художественнаго Общества возобновляется по случаю юбилея А. А. Потѣхина пьеса почтеннаго автора—«Отрѣзанный ломоть». 22-го октября пойдетъ новая пьеса «Шахта Георгія» Е. П. Карпова. «Петербургскія трущобы», въ переводѣ Н. Ѳ. Арбенина, пойдутъ, вѣроятно, 2 ноября.

— «Воспитатель Флакманъ» пойдетъ въ Александринскомъ театрѣ въ переводѣ Л. Гельмерсена.

— На сценѣ того же театра поставлена будетъ пьеса А. В. Амфитеатрова (Old Gentleman)—«Оруженосецъ», «святочная легенда» въ 1-мъ дѣйствіи.

— Въ бенефисъ В. В. Стрѣльскаго пойдетъ пьеса А. А. Потѣхина «Въ мутной водѣ». Пьеса эта написана авторомъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, но ни разу не шла. Она называлась раньше «Современные рыцари», но въ свое время не была пропущена цензурой, не смотря на то, что авторъ передѣлалъ, согласно требованію цензуры, героя пьесы изъ нѣмца въ русскаго и совершенно выкинулъ типы губер-

натора и исправника. По слухамъ, теперь «нѣмца» разрѣшено возобновить.

Въ заключеніе, пойдетъ впервые одноактная шутка И. А. Гриневской «Пожаръ».

— Въ театрѣ г-жи Шабельской, кромѣ «Карбонаріевъ» и «Прочь съ дороги», пойдетъ новая пьеса Л. Г. Жданова «Печальница». Готовится также «Графъ Эссексъ», въ переводѣ г-жи Шабельской и оригинальная комедія «Староста Бурамбай».

— «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира пойдетъ на сценѣ Александринскаго театра во второй половинѣ октября. Обновка будетъ новая. Декорации заказаны слѣдующимъ декораторамъ-художникамъ: «Дворецъ Тевея»—г. Воробьеву, «Лѣсъ эльфѣвъ»—г. Ламбину, «Внутреннее жильѣ художника»—г. Янову.

— О пьесѣ г. Горькаго находимъ два обширныхъ фельетона въ «Нижегор. Листѣхъ». Авторъ назвалъ свю пьесу сначала «Сцены въ домѣ Безсѣменова», но затѣмъ перемѣнилъ названіе на болѣе простое «Мѣщане».

Самъ Безсѣменовъ—бывшій подрядчикъ, старшина малярнаго цеха, мѣтитъ въ ремесленныя головы. Человѣкъ, «своимъ трудомъ» нажившій небольшой капиталецъ, онъ самолюбивъ, скупъ, грубоватъ, желаетъ, чтобы все въ домѣ подчинилось ему, и любитъ порядокъ во всемъ. Дѣтей своихъ онъ не понимаетъ и спрашиваетъ ихъ:

— Какъ, собственно вы жить думаете? Къ чему у васъ намѣренія? Нашъ порядокъ жизни вамъ не нравится, это мы видимъ... а какой свой порядокъ вы придумали? Вотъ онъ, вопросъ!

Общій порядокъ жизни въ домѣ Безсѣменова отражается на Татьянѣ, натурѣ слабой, устаншей отъ работы, которая не интересуется ее. Когда она читаетъ книгу, книга раздражаетъ ее:

— Всегда въ книгахъ описываютъ жизнь не такой, какая она на самомъ дѣлѣ... у насъ, напримѣръ. Мнѣ часто кажется, что книги пишутъ люди, которые не любятъ меня и всегда спорятъ со мной. Дурное и тяжелое они изображаютъ не такъ, какъ я его вижу, а всегда какъ то особенно... болѣе крушо... въ трагическомъ тонѣ. А хорошее — они выдумываютъ. Никто не объясняется въ любви такъ, какъ объ этомъ пишутъ! И жизнь не трагична—она течетъ тихо, однообразно, какъ большая мутная рѣка.

Когда она приходитъ къ убѣжденію, что ей «не гдѣ, не чѣмъ, не зачѣмъ жить», то принимаетъ нашатырный спиртъ. Братъ ея Пѣтръ, исключенный изъ университета за безпорядки, восклицаетъ:

— Чортъ дернулъ меня принять участіе въ этихъ дурацкихъ волненіяхъ! Никакого режима, мѣшавшаго мнѣ изучать римское право, я не чувствовалъ. Но я почувствовалъ режимъ товарищества и уступилъ ему. Это было насиліе надо мной!

Пѣвчій Тетеревъ, человѣкъ сильно пьющій и озлобленный неудачами, занимается чуть ли не половиною пьесы. Онъ говоритъ о себѣ стихами Гейне:

Солнца, счастья шелъ искать,
Нагъ и босъ вернулся вспять.
И бѣлье, и упованье
Истаскалъ въ своемъ скитаньѣ...

Безсѣменовыхъ онъ ненавидитъ за то, что они хозяйва жизни, и въ то же время презираетъ ихъ, ибо видитъ ихъ бессиліе. Въ разговорѣ съ Еленой послѣ покушенія Татьяны на самоубійство онъ такъ характеризуетъ жизнь въ ихъ домѣ:

— Здѣсь, въ этомъ домѣ, все замираетъ особенно быстро—и крикъ боли, и смѣхъ радости. Всякія потрясенія для него, какъ ударъ палкой по лужѣ грязи. И послѣднимъ звукомъ всегда является крикъ пошлости, феи здѣшнихъ мѣстъ.

Воспитаникъ Безсѣменова Нилъ — здоровый, добрый паренъ. Онъ развѣвжаетъ на скверныхъ ларовазахъ съ товарищескими поѣздами, ругается съ начальствомъ, ненавидитъ старика Безсѣменова, любитъ Поло и не замѣчаетъ, что Татьяна любитъ его. «Интересная штука жизнь!»—восклицаетъ онъ. Полный увѣренности въ своей силѣ, всегда и предъ всѣми готовый постоять за свою личность, онъ спокойно утверждаетъ:

— Наша возьметъ!

И собирается вмѣшаться въ самую «гущу жизни», мѣсить ее и такъ, и этакъ, тому—помѣшать, этому—помочь...

Студентъ Шишкинъ бѣгаетъ по урокамъ и всюду ругается. Въ одномъ случаѣ отецъ тѣхъ ребятъ, которыхъ Шишкинъ обучаетъ, оказывается антисемитомъ, за что и получаетъ отъ студента здоровый нагоняй. Въ другомъ—работодатель занимается нумизматикой, и это побуждаетъ Шишкина заявить ему, что «нумизматика—ерунда! любой булыжникъ древнѣе всѣхъ вашихъ мѣдяшекъ!»

Елена — женщина веселая, добрая, немножко плутоватая. Она сама заставляетъ Петра объясниться ей въ любви.

— Я—не серьезная — говоритъ она, — я люблю все людей... Веселые всегда что-то дѣлаютъ...

Пьеса, введимому, построена на противоположеніи двухъ настроеній, изъ которыхъ одно олицетворяется Безсѣмено-

«Старый добрый»

Няня—г-жа Стрѣльская.

вами съ ихъ боязнью жизни, другое—Ниломъ, Еленой, Шишкинымъ, съ ихъ бодрымъ желаніемъ работать, веселиться, «вмѣшиваться въ самую гущу «жизни», «жить на всѣ средства души». Все, происходящее въ домѣ Безсѣменова, Тетеревъ объясняетъ такъ:

— Люди настраиваются жить. Вы слышали, какъ музыканты настраиваютъ инструменты предъ началомъ пьесы? Ухо ловитъ множество отдѣльных вѣрныхъ нотъ, много красивыхъ, сильныхъ фразъ, и ужасно хочется скорѣе услышать, что именно будутъ играть музыканты. Кто изъ нихъ солистъ? Какова пьеса? Вотъ и здѣсь тоже настраиваются люди...

Идея пьесы—интересная, но судя по выдержкамъ, не слишкомъ ли много «резонабельности», въ ущербъ дѣйствию? Ибо развѣ люди выражаютъ характеръ свой и свою жизнь въ разговорахъ? Полагаемъ, что дѣло въ поступкахъ, разговоры же важны лишь тогда, когда они сами—поступки.

* * *

Въ текущемъ сезонѣ г-жа Замбелли выступитъ на маринской сценѣ въ трехъ балетахъ: «Коппелія», «Жизель» и «Камарго».

* * *

На балетной сценѣ предстоитъ рядъ бенефисныхъ спектаклей. Первымъ изъ нихъ будетъ бенефисъ г. Бекефи, въ программу котораго войдетъ бал. «Жизель» (съ г-жею Замбелли) и дивертисментъ, съ участіемъ петербургскихъ и московскихъ балеринъ.

* * *

Въ воскресенье, 8 октября, состоится открытіе Ново-Адмиралтейскаго театра, въ которомъ по-прежнему ставятъ спектакли Н. С. Вехтеръ.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Хотите познакомиться съ содержаниемъ драмы Ибсена «Дикая утка» по разсказу «специально театральнаго органа»? Вотъ что читаемъ мы въ № 1236 «Театральныхъ извѣстій».

Д. I. Фабрикантъ Верле хочетъ жениться на г-жѣ Серби и къ своей свадьбѣ выписываетъ сына, съ которымъ онъ въ ссорѣ. Грегерсъ узнаетъ отъ своего товарища Яльмара, что онъ женатъ на Гинѣ, которая была прежде фавориткой его отца и имѣетъ отъ него дочь. Онъ расходится изъ-за этого съ отцомъ и *хочетъ все разсказать* Яльмару. Д. II. Грегерсъ переѣзжаетъ къ Яльмару на квартиру, чтобы исполнить свое намѣреніе, открыть главу Яльмару. Д. III. Грегерсъ *хочетъ разсказать все* Яльмару, но мѣшаетъ ему докторъ. Онъ узнаетъ, что маленькой Эдвигѣ грозитъ наследственная слѣпота и вводитъ Яльмара, чтобы ему *разсказать* о прошломъ его,

жены. Д. IV. На чердакѣ Яльмара устроено нѣчто вроде лѣса, въ которомъ схотится на кроликовъ полусумашедшій Эдвалдъ. Тутъ-же живетъ дикая утка, которую очень любить все семейство. Приходитъ Яльмаръ и требуетъ отъ жены объясненія. Онъ отталкиваетъ дочь и убѣгаетъ изъ дому. Д. V. Грегерсъ хочетъ всѣхъ примирить, но это ему не удается. Онъ совѣтуетъ Эдвигѣ застрѣлить дикую утку изъ любви къ отцу, но Эдвигъ стрѣляетъ въ себя.

Это уже не просто «Дикая утка», а «самая дикая утка»,—дичайшая. И кому нужны эти такъ называемыя либретто? И кто ихъ сочиняетъ? Z.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. 26 сентября состоялось, наконецъ, открытіе Частной оперы. Въ газетахъ сообщалось будто бы многие артисты Частной оперы (гг. Секаръ-Рожанскій, Шеллевець, Махинъ и др.) подписали контрактъ на зимній сезонъ въ кievскую труппу г. Боролая. Однако, слухи эти не оправдались, и Частная опера начала свой сезонъ у насъ почти съ тѣмъ же составомъ исполнителей, какъ и въ прошломъ году. Выбыли изъ состава труппы гг. Мутинъ и Бочаровъ. Вновь поступили въ этомъ году г-жи Никитская, лирическое сопрано, Дьячкова и Черневская и гг. Трубинъ, Осиповъ и Гурскій. Главнымъ директоромъ, какъ и въ прежніе годы, будетъ г. Ипполитовъ-Ивановъ. Остался такъ же и г. Врубель, заведующій декоративною частью. Одно время не безъ удовольствія говорили, что онъ съ начала этого сезона слагаетъ съ себя свои обязанности въ Частной оперѣ, но оказалось, что радость была преждевременна.

Не смотря на то, что для перваго спектакля былъ выбранъ «Купецъ Калашниковъ» Рубинштейна, не пользующійся у насъ большимъ успѣхомъ, публики на открытіе Частной оперы собралось очень много. Въ театрѣ во время спектакля чувствовалось нѣсколько приподнятое настроеніе. Видно было, что частная опера пользуется крѣпкими симпатіями нашей публики, готовой прощать ей порою всякіе недостатки. Спектакль, взятый въ цѣломъ, оставилъ не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе. У частной оперы есть хорошій исполнитель для партіи Кирибѣвича—г. Секаръ-Рожанскій. Его участіе, можетъ быть, придало бы большій интересъ «Купцу Калашникову». Для г. Шубина же эта партія совершенно не подходитъ, не смотря на всѣ его «благія намѣренія». Не важное впечатлѣніе оставили также хоръ и оркестръ. Хоръ, сравнительно съ прошлымъ годомъ, сталъ какъ будто больше. Однако, на его звучности, по крайней мѣрѣ, въ день открытія, это мало отразилось. Замѣтно было также, что не всѣ хористы твердо знаютъ свои партіи. Вообще, сравнительно съ прошлымъ годомъ, ни въ хорѣ, ни въ оркестрѣ не видно особаго улучшения, о чемъ можно только пожалѣть. Хоръ, вообще, былъ самымъ слабымъ мѣстомъ нашей частной оперы.

Fanfare.

* * *

«Мими», послѣдній актъ.

Съ 10-го сентября въ «Петербургскомъ театрѣ» начнутся гастроли труппы г-жи Режанъ. Труппа г-жи Шабельской на время французскихъ спектаклей переберется въ Москву, гдѣ дастъ нѣсколько спектаклей.

* * *

28-го сентября придворная пѣвческая капелла праздновала 150-лѣтіе со дня рожденія своего перваго директора, знаменитаго русскаго композитора Дмитрія Степановича Бортнянскаго. 28-го сентября, собственно, годовщина смерти композитора (76-я), но такъ какъ нигдѣ въ архивахъ придворнаго вѣдомства нѣтъ какой-либо даты, указывающей на день рожденія Д. С., рѣшено къ этому дню пріурочить и празднованіе 150-лѣтія со дня его рожденія.

Д. С. Бортнянскій родился въ 1751 г. въ г. Глуховѣ, Черниговской губ. Онъ обладалъ прекраснымъ дискантомъ и еще семилѣтнимъ мальчикомъ былъ выбранъ пѣвчимъ въ придворный хоръ гдѣ былъ замѣченъ Императрицей Елисаветой Петровной. 1768 г. онъ былъ отправленъ Императрицей въ Венецію. Въ 1779 году, Д. С. вернулся въ Россію и преподавалъ Императрицѣ свои произведенія, между которыми были его сонаты нѣсколько ораторій, двѣ оперы, отдѣльныя хорывы сочиненія. Императрица встрѣтила его очень ласково и удостоила званія композитора придворнаго пѣвческаго хора и денежной награды. Въ 1796 году Императоръ Павелъ Петровичъ назначилъ его директоромъ придворной пѣвческой капеллы, завѣдуя которой Бортнянскій, помимо своихъ композиторскихъ дарованій, выказалъ и организаторскій талантъ. Бортнянскій избавилъ наше богослуженіе отъ вычурнаго напращиванія, приданнаго ему оперными композиторами: Арайя, Керцелли, Галуппи, Сарти.

Лучшими концертами Бортнянскаго считаются: «Гласомъ моимъ къ Господу воззвахъ», «Спаси мя, Господи, кончину мою», «Бскую прискорбна еси, душа моя», «Да воскреснетъ Богъ и расточатъ враги его», «Коль возлюбленно селеніе твое, Господи». Изъ многочисленныхъ сочиненій Д. С., капеллой изданы 35 концертовъ, 8 духовныхъ тріо съ хоромъ, трехголосная литургія, 7 херувимскихъ, 21 мелкихъ духовныхъ пѣснопѣній, собраніе духовныхъ псалмовъ и другихъ пѣснопѣній, въ двухъ томахъ (26 нумеровъ), собраніе четырехголосныхъ и двухгорныхъ хвалебныхъ пѣсней, въ двухъ томахъ (14 нумеровъ), собраніе гимновъ для одного и четырехъ голосовъ и проч. Композовалъ Д. С. очень быстро. Существуетъ расказъ, что однажды Императоръ Павелъ призвалъ его къ себѣ и приказалъ приготовить къ какому-то торжеству на завтра концертъ на стихъ: «Господи, силою Твоею возвеселится царь». На завтра концертъ, состоявшій изъ 26 страницъ, былъ исполненъ пѣвчими за обѣдней. Д. С. умеръ 28-го сентября 1825 года, на 75 году отъ рожденія.

* * *

Изъ Москвы сообщаютъ: 2-го октября отправляется оперно-опереточная труппа подъ управленіемъ антрепренера и капельмейстера Ф. В. Валентетти (Ротгольцъ) въ поѣздку по Закаспійскому краю. 1-го октября, труппа, въ полномъ составѣ, отслужила въ помѣщеніи бюро напутственный молебенъ. Труппа составлена *исключительно* при помощи бюро. Г-номъ Валентетти выданы всѣмъ участникамъ поѣздки авансы—не менѣе какъ полумѣсячный окладъ; всю труппу онъ везетъ на свой счетъ съ багажомъ до самаго Ташкента. Составъ труппы слѣдующій: г-жи Морина-Звѣздичъ, Фролова, Стефани, Михайлова, Алексѣева и др. Изъ мужского: гг. Рѣзуновъ, баритонъ Орловъ, протакъ Шелеховъ, комики Громовъ и Глуминъ и др. Оркестръ взятъ изъ Москвы въ количествѣ 25 человекъ, хоръ 23 человекъ. Первая остановка въ Асхабадѣ, потомъ въ Бухарѣ, гдѣ будутъ играть въ присутствіи Эмира Бухарскаго, и докончится сезонъ въ Ташкентѣ. Репертуаръ состоитъ изъ оперъ и новѣйшихъ оперетокъ. Начало сезона 14 октября, по Великій постъ.

* * *

Московскія вѣсти.

— 3-го октября исполнилось 25-лѣтіе служебной дѣятельности декоратора московскихъ Императорскихъ театровъ Карла Федоровича Вальца.

— Въ числѣ ближайшихъ новинокъ театра М. Я. Пуаре будетъ поставлена пьеса «Петербургскія труппы», слѣланная по роману Вс. Крестовскаго—Н. Арбенинымъ.

— Съ артистками московской Императорской оперной труппы сестрами Г. и Э. Кристианъ возобновленъ контрактъ на два года, по 1 сентября 1903 г.

«Нефтяной фонтанъ», ком. В. Л. Величко и М. Г. Маро, прошелъ на сценѣ Малаго театра безъ успѣха. Это рядъ картинъ пестрыхъ, но поверхностныхъ. Въ пьесѣ мало движенія. Въ общи́хъ чертахъ содержаніе сводится къ слѣдующему. Кавказскій нефтьпромышленникъ и дѣлецъ Шантуровъ съ помощью дамы польскаго происхожденія Мелино создаетъ дутое предпріятіе; вокругъ нихъ группируются представители всякихъ ранговъ и мѣстныхъ народностей. Калейдоскопъ пестрыхъ. Шантуровъ ведетъ свою линію; отъ которой рукой

подать до статьи уголовного наказанія. Двадцать лѣтъ назадъ, на такой-же фабулѣ, построенъ романъ Вас. И. Немировича-Данченка: «Каиново племя».

Приводимъ отзывы нѣкоторыхъ московскихъ газетъ о новой пьесѣ Величко и Маро. «Нефтяной фонтанъ», во всякомъ случаѣ, не комедія, скорѣе всего сцены съ водевильно-мелодраматическими приѣмами. Съ технической стороны авторы обнаруживаютъ полную неумѣлость письма («Курьеръ»). «Публика, собравшаяся въ субботу смотрѣть «Нефтяной фонтанъ», испытала то же самое, что испытываютъ дѣйствующія лица этой пьесы: они ждали богатаго нефтяного фонтана, который обогатитъ ихъ; ждали—и кромѣ разочарованія ничего не получалось. Въ такомъ же положеніи оказались и зрители: ждали-ждали они «Нефтяногo фонтана» и вмѣсто ожидаемаго—болѣе или менѣе талантливой пьесы—получили нѣчто довольно пестрое, довольно шумное и довольно скучное». («Русск. Сл.»). Остальные отзывы въ такомъ же родѣ. На второмъ представленіи пьесы въ стѣнахъ Малаго театра разразился форменный скандалъ. Послѣ третьяго акта въ зрительномъ залѣ раздалось шиканье, а затѣмъ и свистки. Кончилось дѣло составленіемъ протокола, къ которому привлечена довольно большая группа лицъ.

— Съ 1-го сентября дирекціей Императорскихъ театровъ возобновленъ контрактъ на 2 года съ артистомъ г. Власовымъ съ вознагражденіемъ по 6,000 въ годъ.

* * *

Десять Симфоническихъ Собраній въ большомъ залѣ Консерваторіи состоялись въ субботу 27-го октября, 3-го, 10-го ноября, 1-го, 8-го, 22-го декабря, 1901 г., 19-го, 26-го января, 2-го, 9-го февраля 1902 г. въ 8 час. вечера. Подписка принимается въ Музыкальномъ магазинѣ І. И. Юргенсона, комисс. СПб. Отд. Императорскаго Русск. Музык. Общества и Консерваторіи, Большая Морская, 9, еженежно, кромѣ воскресныхъ дней, отъ 10 час. утра до 5 час. пополудни. Прошлогоднимъ членамъ-посѣтителямъ предоставляется право полученія билетовъ на пржіііі ихъ мѣста до 17-го октября включительно, послѣ этого срока оставшіяся свободными мѣста будутъ предоставлены всѣмъ желающимъ. Симфоническія Собранія будутъ прісходить подъ управленіемъ Гг. Кленовскаго, Макса Фидлера и Хессина.

Восемь квартетныхъ собраній, въ Маломъ залѣ СПб. Консерваторіи состоятъ во вторникъ 30-го октября, 6-го ноября, 18-го декабря 1901 г., 8-го, 15-го, 22-го января, 5-го и 19-го февраля 1902 г. въ 8 час. вечера. Участвующіе: Г-жи Есипова, Бородулина, Кюнц.ль, Мауриня: Гг. Лялевичъ, Максимовъ, Миклашевскій. Квартетъ: Гг. Ауэръ (первая скрипка), Крюгеръ (вторая скрипка), Коргуевъ (альтъ) и Вержбиловичъ (виолончель).

Абонементные билеты можно получать въ музыкальномъ магазинѣ І. И. Юргенсона (коммис. СПб. Отд. Императорскаго Русскаго Музык. Общества Консерваторіи) уголъ Большой Морской и Невскаго просп., д. № 9, еженежно, отъ 10 час. утра до 5 час. пополудни, кромѣ воскресныхъ дней.

* * *

Панаевскій театръ. Въ понедѣльникъ, 10 октября, подъ новымъ названіемъ «Хризантемы» была поставлена извѣстная нашимъ читателямъ пьеса г-жи Владиміровой «Мими». Пьеса имѣла нѣкоторый успѣхъ. Она страдаетъ крупными недостатками въ фактурѣ. Первые два акта изображаютъ Мими въ ея домашней обстановкѣ и составляютъ не столько экспозицію пьесы, сколько характеристику героини. Г-жѣ Владиміровой слѣдовало бы прямо начать съ охлажденія ея любовника, Вишневецкаго. Въ сущности, что же любопытнаго въ томъ, какъ Мими сходилась съ Вишневецкимъ? Обычная исторія легкомысленной, испорченной женщины и альфонса. «Тореадоръ и андалузка». Дѣйствіе пьесы заключается въ отношеніяхъ Мими къ семьѣ, и если бы авторъ съзкомчилъ на обыкновенной исторіи одного изъ многихъ увлеченій, ему бы не пришлось такъ сжаты кражу денегъ, со стекольщикомъ, полудіотомъ Николаемъ и слѣдователемъ; между тѣмъ, въ нынѣшнемъ видѣ этотъ актъ представляетъ грубый, мелодраматическій *coup de théâtre*. Точно также совершенно ненужна, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ и маловѣроятна третья актъ—балъ у Малышева. Разумѣется, авторъ имѣлъ въ виду нарисовать картину легкомысленнаго прожиганія денегъ, но эта картина нарушаетъ пѣльность пьесы, врѣзывается въ нее клиномъ и принуждаетъ ввести такую неправдоподобную сцену, какъ объясненіе ростовщика Бырдина съ Мими на балу въ постороннемъ домѣ. Мужиковатый извозпромышленникъ вызываетъ черезъ хозяина гостя, и разговариваетъ съ ней о щекотливѣйшихъ вещахъ въ залѣ для танцевъ. Какъ будто не совсѣмъ складно. Вообще, нынѣшніе авторы напрасно пренебрегаютъ золотымъ правиломъ насчетъ единства дѣйствія. Выходитъ уже не пьеса, а діалогическій романъ. Собственно, персонажи, выведенные г-жей Владиміровой, несмотря на ихъ заимствованность (Мими—вариантъ «Фру-Фру», Николай—Амандусъ изъ «Юности Гальбе»), очерчены рельефно и кар-

тинно, и при другой обработкѣ сценарія, могла бы заинтересовать публику и привлечь ея вниманіе. Австръ, несомнѣнно, владѣеть діалогомъ, не лишена юмора и смѣлости. Но не слѣдуетъ ни затягивать дѣйствія, ни злоупотреблять эффектами движенія. Это—двѣ крайности, одинаково вредящія впечатлѣнію: первая—потому, что утомляетъ вниманіе, вторая—потому, что чрезмѣрно возбуждаетъ его.

Отъ г-жи Андросовой, исполнявшей роль Мими, можно требовать болѣе нервной и красивой игры. Ея Мими—прѣсновата. Можетъ быть, правдивъ, но неинтересна. Хороши г. Бравичъ, слѣдователь Туматовъ, г. Глазлинъ, идіотъ Николай, г. Тинскій, добродѣтельный мужъ, г. Хворостовъ-Бырдинъ. Г. Сѣверскій для мерзавцевъ имѣеть слишкомъ симпатичный и добродѣтельный видъ.

* * *

Театръ „Фарсъ“. Театръ «Фарсъ», уступившій Панаевскій театръ Литературно-художественному Обществу, пріютился во вновь отстроенной залѣ Пассажа. Пожаръ рѣшительно спо-

Д. С. Бортнянскій.

(Къ 150 лѣтію со дня рожденія).

собствовалъ много къ украшенію «Фарса». Начать съ того, что зала Пассажа, высокая, прекрасно вентилируемая, нарядная, смотритъ гораздо веселѣе и жизнерадостнѣе, нежели угрюмый Панаевскій театръ. Единственный недостатокъ—отсутствіе ложъ и нѣкоторая тѣснота въ фойе. Во-вторыхъ, Пассажъ занимаетъ такое центральное мѣсто въ Петербургѣ, связанъ такими.. такими «традиціями» съ веселой и безлечальной публикой, что является, такъ сказать, прирожденнымъ мѣстомъ для театра, подобнаго «Фарсу».—Родоначальникъ «Фарса»—парижскій «Пале-рояль»—точно также возникъ въ Пассажѣ, въ зданіи, куда безпрестанно входятъ и откуда выходятъ, гдѣ толпится флианрирующая, «къ соблазну жадная» публика. Безъ всякаго сомнѣнія, театръ «Фарсъ» не уйдетъ изъ Пассажа, и быть можетъ, именно здѣсь этотъ театръ найдетъ свой «высшій расцвѣтъ».

Для открытія шелъ фарсъ съ французскаго «Столичное Просвѣщеніе». Онъ былъ отлично срепетованъ и весьма недурно разыгранъ. Меня болѣе всѣхъ поразили г-жа Воронцова-Ленни и г. Пальмъ. Г-жа Воронцова-Ленни, постраствовавъ и вернувшись вновь, стала очень хоршей артисткою комедіи, съ мягкими интонаціями, изящнымъ діалогомъ и пріятною гривуазностью, не переходящею въ грубую скабрзность. Г-жа Воронцова-Ленни, правда, пополнѣла, но манеры и приемы ея стали тоньше. Вотъ плохой каламбуръ, который, однако вполне отвѣчаетъ дѣйствительности. Что касается г. Пальма, то я всегда считалъ его очень даровитымъ комикомъ но рѣдко видѣлъ его знающимъ, какъ слѣдуетъ, роль. А на

этотъ разъ онъ ее зналъ, и потому игралъ отлично. Мила г-жа Грановская, хотя нѣкоторыя сцены надо было бы вести мягче, комедійнѣе. Весьма пріятны гг. Рѣшимовъ и Каменскій, а г-жа Варламова, по обыкновенію, брызжетъ юморомъ. Героя пьесы—Леона—забавнаго молодого человѣка, который пріѣхалъ изъ Кагора совершенно невиннымъ молодымъ человѣкомъ, что страшно огорчаетъ родителей его невѣсты и даетъ имъ поводъ просвѣтить его при помощи кокетки Тото—эту забавную роль игралъ г. Сабуровъ.—По моему, онъ игралъ суховато. Можно играть сочнѣе, и г. Сабуровъ непременно игралъ бы иначе, если бы не отдавалъ много времени провинціальнымъ турнѣ. Ахъ, эти житейскія волненія!

Вторымъ спектаклемъ шла новая комедія А. Капюса «Маленькая чиновница». Комедія эта, довольно забавная, проиграла въ исполненіи. Г. Смоляковъ, напр., пріятный актеръ въ фарсахъ, но въ данной комедіи онъ, выражаясь актерскимъ языкомъ, чрезчуръ «нажалъ педаль», т. е. утрировалъ и игралъ почти безъ всякихъ оттѣнковъ. Большинство остальныхъ исполнителей были въ такомъ же родѣ. Пріятное исключеніе составлялъ г. Горинъ-Горайновъ, игравшій съ обычной, свойственной ему, мягкостью. Заслуживаетъ похвалы и г-жа Грановская въ эпизодической роли Рири. Необходимо упомянуть еще г-жу Варламову, какъ всегда, смѣшившую публику. Сборы все время полные. А.

* * *

Если вы хотите видѣть театральную публику добраго стараго времени, чуткую къ сценической иллюзіи, принимающую все за чистую монету, за дѣйствительность, переживающую вмѣстѣ съ героями и героинями ихъ радость и горе, то отправляйтесь въ театръ «Русскаго купеческаго Общества для взаимнаго вспоможенія» или проще—въ Приказчиій клубъ. Это непосредственная, полунинтеллигентная и въ извѣстномъ смыслѣ дорогая публика. Вкусы ея, можетъ быть, къ счастью для нея, отстали по крайней мѣрѣ, на полвѣка.

Боже мой, сколько слезъ было пролито въ поведѣльникѣ 1 октября на представленіи «Двухъ сиротокъ». Пьеса впрочемъ была обставлена очень недурно. Выдавались исполнитель роли Роже де-Бонди, скрывшійся подъ звѣздочками. (Охъ, ужъ эти звѣздочки!) и г-жа Панчина-Луиза. Г-жа Баскакова въ роли Мариолы была мало удовлетворительна. Суть покушенія на братоубійство (Жакъ—г. Радинъ, Пьеръ—«Звѣздочка») произвела сильное впечатлѣніе.

По справедливости надо сказать, что спектакли въ клубѣ ставятся съ любовью къ дѣлу.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОVINЦІИ.

Тифлисъ. Въ «Нов. Обзорѣніи» читаемъ:

Нѣкій «посторонній наблюдатель» прислалъ намъ любопытное письмо, наполненное сѣтованіями на тифлисскихъ оперныхъ рецензентовъ. Одинъ изъ нихъ, г. Владдержъ, изъ «Тифл. Листка», придумалъ, какъ оказывается, очень остроумную систему критики. У этого рецензента удивительно своеобразная организація. Сидитъ онъ себѣ, напр., на представленіи оперы «Садко» въ тифлисскомъ казенномъ театрѣ и переживаетъ, представляете себѣ, невѣроятно однородныя впечатлѣнія съ петербургскимъ критикомъ г. Зигфридомъ изъ «Россіи», бывшимъ на представленіи той же оперы, но уже на сценѣ Маринскаго театра дней за 10 до г. Владдержа. Не угодно ли сравнить ихъ рецензіи:

Рецензія г. Зигфрида. «Россія» отъ 8-го сентября.

«Поэтически-сказочный обликъ новгородскаго пѣвца, тоскующая душа котораго рвется въ ширь и на просторъ, олицетворяется г. Ершовымъ превосходно. Всѣ его речитативы, обращенные къ гостямъ торговымъ, къ женѣ, къ народу, произносятся имъ безукоризненно, съ массой экспрессіи. Арія его «Кабы была у меня золота казна» поражаетъ въ его исполненіи удалью и тѣмъ вызывающимъ тономъ, которымъ проникнута ея музыка. А сколько тоскливаго настроенія въ передачѣ имъ пѣсни 2-й картины «Ой, ты, темная дубровушка», какая удивительная ширина и свобода въ финалѣ 4-й картины» и т. д.

Рецензія г. Владдержа. «Тифл. Л.» отъ 19-го сентября.

«Поэтически-сказочный обликъ новгородскаго пѣвца, тоскующая душа котораго рвется въ ширь и на просторъ, олицетворяется г. Розановымъ превосходно. Всѣ его речитативы, обращенные къ гостямъ торговымъ, къ женѣ, къ народу, произносятся имъ безукоризненно, съ массой настроенія и экспрессіи. Арія его «Кабы была у меня золота казна» поражаетъ въ его интерпретаціи удалью и тѣмъ вызывающимъ тономъ, которымъ проникнута ея музыка. А сколько тоскливаго настроенія въ передачѣ имъ пѣсни 2-й картины «Ой, ты, темная дубровушка», какая удивительная ширина и свобода въ финалѣ 4-й картины» и т. д.

И т. д. и т. д. То, что у г. Зигфрида говорится объ исполненіи роли Волховы г-жей Гладкой, у г. Владдержа—

о г-жѣ Гушиной-Волховѣ; у Зигфрида — Дуда и Сопѣль изрядно переигрывали; у Владдержа — Дуда и Сопѣль тоже изрядно переигрывали.

Кутаискъ. Съ 18 по 20 сентября въ кутаисскомъ окружномъ судѣ слушалось уголовное дѣло по обвиненію студентовъ князя Лордкипанидзе, К. Нинидзе, А. Канделаки и сторожа И. Апхаидзе, въ томъ, что они 5 мая сего года, въ мѣстномъ театрѣ, во время представленія пьесы «Контрабандисты» нарушили общественную тишину и оскорбили дѣйствіемъ нѣкоторыхъ чиновъ кутаисской полиціи. Обвиняемые, не признавая себя виновными, объяснили, что они, возмущенные идеей пьесы «Контрабандисты», дѣйствительно шикали, не видя въ этомъ нарушенія велѣній закона и что шикали, по ихъ мнѣнію, — такая же легальная форма проявленія неодобренія, какъ аплодисменты — одобренія; имъ-де и въ голову не могла придти мысль, что за такое легальное выраженіе своихъ чувствъ они будутъ избиты кулаками, ногами и нагайками чинами полиціи. Любопытенъ допросъ свидѣтеля — полиціймейстера Лисовскаго. «При поднятіи занавѣса, студенты начали шикавать» несмотря на неоднократное увѣщаніе со стороны чина полиціи прекратить шикаваніе, студенты не унимались. Я приказалъ ихъ вывести силой. Лордкипанидзе, когда къ нему подошли стражники и городовые, обратился въ партеръ къ публикѣ съ слѣдующею: «переполненною дерзостью», рѣчь: «господа, отъ имени студентовъ прошу честную публику оставить театр; порядочные люди не должны смотрѣть на эту омерзительную пьесу, поворящую драматическое искусство, унижающую націю и оскорбляющую религиозное чувство. Пусть остаются лишь подлецы и неголяи». — Товарищъ прокурора, поддерживая обвиненіе, закончилъ свою рѣчь словами: «Какъ въ личности подсудимыхъ, такъ и въ характерѣ учиненнаго ими дѣянія кроется много обстоятельствъ, которыя даютъ вамъ, гг. судьи, полное право смягчить грозившую подсудимымъ кару, и, если право это будетъ вами осуществлено, обвинительная власть протестовать противъ этого не будетъ». Послѣ трехчасового совѣщанія, судъ вынесъ слѣдующій приговоръ: всѣхъ 4-хъ обвиняемыхъ по обвиненію въ оскорбленіи дѣйствіемъ полицейскихъ чиновъ — признать по суду оправданными; по обвиненію въ нарушеніи общественной тишины обвиняемые признаны виновными и судъ приговорилъ ихъ къ штрафу въ размѣрѣ: ст. Лордкипанидзе — 150 руб., ст. Нинидзе — 100 руб. ст. Канделаки — 50 руб., И. Апхаидзе — 50 руб.

Сахалинъ. Въ августѣ здѣсь дала нѣсколько спектаклей странствующая по Сибири труппа г-жи Сѣверской-Сигулинной. Матеріальный успѣхъ блестящій.

Бѣлостокъ. На дняхъ начнутся спектакли драматической труппы подъ управл. А. П. Смѣльской. Режиссеръ М. И. Судьбининъ.

Самара. «Сам. Газ.» получила письма, въ которыхъ нѣкоторые изъ публики возмущаются «несценическими» (?) выходками артиста Муромцева въ водевилѣ «Дядюшкино наследство» и протестуютъ противъ такого отношенія дирекціи къ сценѣ.

Казань. За 15 дней, протекшихъ съ начала сезона, валовой сборъ со спектаклей оперной труппы г. Соболищкова-Самарина достигъ, по словамъ «В. В.» крупной суммой 11,200 рубл. Въ среднемъ на каждый спектакль приходится 900 съ лишнимъ рублей.

Одесса. Режиссеръ труппы попечительства о народной трезвости г. Селивановъ оставляетъ свою должность. Обязанности режиссера русской труппы попечительства принялъ на себя акцизный (?) чиновникъ г. Павловъ.

Таганрогъ. Зимній сезонъ открылся 29 сентября пьесой Островскаго «Безъ вины виноваты». Кручинина — г-жа Пальчикова, Незнамовъ — г. Струйскій, Шмага — г. Мартыновъ. Вторымъ спектаклемъ шли «Романтики», при участіи г. Орлова-Чужбинова.

Налуга. 26-го сентября состоялось открытіе зимняго сезона «Василисой Мелентевой» съ Ю. И. Журавлевой (Василиса), г-жей Кадминой (царица Анна), г. Діевскимъ-Колычевымъ.

Рига. Открытіе сезона состоялось 29 сентября. Шла пьеса Островскаго «Василиса Мелентева». По словамъ «Рижск. В.», пьеса была разыграна довольно дружно. Грознаго изображалъ Судьбининъ. По слов. газеты, «артистъ сразу овладѣлъ театральной аудиторіей, которая сосредоточила главнымъ образомъ на создаваемомъ имъ образѣ все свое вниманіе и почти не замѣчала промаховъ, недодѣлокъ и переигрываній другихъ артистовъ». Затѣмъ газета находить, что у г. Шмитгофа 2 есть «несомнѣнный даннныя» для бытовыхъ ролей. Второй спектакль «Женитьба Бѣлугина» прошелъ для г. Судьбинина съ еще большимъ успѣхомъ.

Сибирскъ. Открытіе сезона состоялось 28 сентября пьесой «Бѣшенныя деньги».

Кіевъ. На дняхъ приступлено къ постройкѣ памятниковъ на могилахъ двухъ безвременно скончавшихся артистовъ театра Соловцова: Н. П. Рощина-Инсарова и Т. А. Чужбинова. Дума ассигновала дополнительный кредитъ въ размѣрѣ 200 тысячъ на постройку городского театра. Гласный г. Эйхельманъ внесъ особое мнѣніе, въ которомъ, между про-

чимъ, просить «надзирающую власть, не утвердить постановленіе городской думы, какъ незаконно состоявшееся, — формально дефектное, и предложить строительной комиссіи по сооружеію гор. театра составить надлежащій полный и ясный докладъ съ объясненіемъ причинъ перерасхода до четверти милліона рублей, а думѣ предложить назначить основательную провѣрку доклада комиссіи, послѣ чего и разрѣшить вопросъ о покрытіи названнаго необычайнаго перерасхода за счетъ городской кассы. Дѣло это требуетъ полного и надежнаго освѣщенія, чтобы реабилитировать кіевскую городскую думу и оконченную постройку городского театра передъ общественнымъ мнѣніемъ не только въ городѣ Кіевѣ, но и во всей Россіи, послѣ тѣхъ комментариев, которые посыпались на насъ за этотъ колоссальный перерасходъ, — а также передъ правительствомъ, назначившимъ городу субсидію 150 т. р. на постройку новаго театра.

Владимиръ. Сезонъ открылся 28 сентября. Антреприва В. О. Буракова. Составъ труппы: г-жи Дарьялова, Самойлова, Ленская, Шпанъ, Горская, Чеховская, Свѣтланова, Кремлева, Владимірцева. Гг. Херсонскій, Колпашиковъ, Яновскій, Бураковъ, Соколовъ, Истомина-Кастровскій, Галль-Савальскій, Киселевъ, Гурко, Смирновъ, Суревичъ, Неждановъ, Режиссеръ Херсонскій. Суфлеръ Чеховская. Для открытія была поставлена «Каширская старина» Аверкіева. 2-мъ спектаклемъ «Женитьба Бѣлугина». Послѣдующій репертуаръ: — «Цѣни», «Гувернеръ», «Ивановъ», «Старый закалъ», «Около денегъ» и др.

Гельсингфорсъ. По слов. «Финл. Газ.», 25-го сентября (8-го октября) состоялось собраніе акціонеровъ новаго зданія финскаго театра. Когда началась постройка, въ концѣ января 1901 г., общество располагало капиталомъ въ 1,100,000 м. за мѣсто подъ театръ уплачено было 200,000 м., а 900,000 м. осталось на выполнение строительныхъ работъ. Въ теченіе года выяснилось однако, что этого капитала не достанетъ и для окончанія работъ, помимо остающихся 70,000 м., необходима еще сумма въ 235,000. Собраніе акціонеровъ рѣшило ходатайствовать объ отпускѣ недостающихъ средствъ изъ казны, причемъ рѣшено было вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти для театра новыя декорации, уполномочить дирекцію просить объ отпускѣ суммы въ 300,000 м., въ обезпеченіе коей вслучаѣ необходимости предоставить недвижимость общества, — которая построена, какъ видно изъ отчета, главнымъ образомъ на казенныя деньги.

Письма въ редакцію.

М. г. г. Редакторъ! Послѣдніе номера Вашего журнала достаточно ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что никогда не прекращавшаяся борьба между актерами и рецензентами, снова приняла обостренный характеръ. Поэтому, быть можетъ, теперь будетъ не безынтересно ознакомиться съ документомъ, относящимся къ самому раннему періоду. Это письмо въ редакцію «Фоссовой газеты» извѣстнаго нѣмецкаго актера и антрепренера Карла Теофила Деббелина. Вотъ его дословный переводъ:

Милостивый государь (не могу же я Васъ назвать профессоромъ?)

Газетный писака!

Въ сегодняшнемъ № «Фоссовой газеты» отъ 16 ноября вы оскорбили мою дирекцію и мой театръ самымъ недостойнымъ и незаслуженнымъ образомъ. Я слишкомъ старъ для того, чтобы позволять себя незаслуженно оскорблять всякому человѣку съ больной желчью. Я слишкомъ долго испытывалъ муки мученика за искусство. Кто впервые поставилъ «Минну фонъ Барнгельмъ»? Деббелинъ. Кто первый поставилъ «Эмилию Галотти» еще до появленія ея въ печати? Деббелинъ. Кто изъ нѣмцевъ отважился провести на сцену «Натана Мудраго» съ подобающимъ достоинствомъ, соответственной обстановкой, новыми декорациями и костюмами? Все тотъ же незаслуженно вами поносимый Деббелинъ.

Ознакомьтесь лучше со мной, или вы позволяете себѣ слишкомъ много, и вамъ лучше перестать писать въ газетахъ и заниматься критикой. Покарай меня Боже, если вы получите даровое мѣсто, о которомъ просилъ меня для васъ молодой г. Фоссъ. Будьте здоровы, исправляйтесь: этого желаетъ вамъ смертельно оскорбленный Деббелинъ, у котораго вы стараетесь украсть кусокъ хлѣба. Деббелинъ.

Берлинъ, 16 ноября 1784.

Логическій выводъ изъ этого письма: «ничто не ново подъ луной». Интересно, что 115 лѣтъ тому назадъ даровое мѣсто рецензента уже служило яблокомъ раздора.

Б. Варнеке.

М. г., г. Редакторъ! Въ № 39 Вашего уважаемаго журнала, въ корреспонденціи изъ Екатеринослава о народномъ театрѣ на Чечелевкѣ (близъ заводовъ), вкрались двѣ неточ-

ности. Комитетъ Попечительства о народной трезвости даетъ субсидію не въ размѣрѣ 500 руб., а 1000 р., которые я и получилъ по благополучномъ окончаніи сезона, причемъ всю эту сумму раздѣлялъ между всѣми членами товарищества.

Во вторыхъ, въ заключеніе корреспонденціи сказано, что труппы, предшествовавшія моея, не кончили сезона. Это не вѣрно. До меня театръ существовалъ два года, или вѣрнѣе, два лѣтнихъ сезона, и оба сезона дѣло было доведено до конца.

Екатеринославскій комитетъ Попечительства о народной трезвости слишкомъ сердечно относится къ своему театру и ни въ какомъ случаѣ не могъ бы допустить полного распаденія труппы. Примите и проч. *И. Ароновичъ.*

Музыкальная библіографія.

Музыкально-издательская фирма Ю. Г. Циммермана сильно расширила въ послѣднее время свою издательскую дѣятельность и, благодаря этому, сразу заняла видное мѣсто въ ряду немногочисленныхъ отечественныхъ фирмъ, обогащающихъ нотный рынокъ произведеніями русскихъ и иностранныхъ композиторовъ. Фирма эта въ одинаковой мѣрѣ издаетъ серьезную и легкую музыку.

Къ числу первой принадлежатъ сочиненія одного изъ наиболѣе видныхъ представителей молодой русской школы, М. А. Балакирева. Помимо изданныхъ ранѣе его симфоній и нѣсколькихъ фортепьянныхъ произведеній, фирма Ю. Циммермана вновь выпустила въ свѣтъ два фортепьянныхъ произведенія его — «Gondellied» и второй ноктюрнъ, отличающіяся интересной фактурой, благородствомъ, изяществомъ музыкальныхъ мыслей и гармонической канвы, а, главное, «пianiзмомъ», т. е. превосходнымъ знаніемъ ресурсовъ инструмента, для котораго произведенія эти написаны. Особенно поэтиченъ Gondellied, навѣянный одноименными произведеніями Мендельсона, того самаго Мендельсона, къ которому, въ свое время, кстати сказать, молодая русская школа съ ея представителями, М. А. Балакире-

вымъ, относилась не болѣе, какъ снисходительно. Съ того времени утекло много воды и снисходительное отношеніе къ чудесному романтику уступило мѣсто, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ adeptовъ школы, иному отношенію... Весьма милую пьеску представляетъ «Caprice-Burlesque» О. Габриловича (ор. 3), извѣстнаго молодого талантливаго пианиста, написанная въ салонномъ стилѣ въ лучшемъ значеніи этого слова. И это произведение отличается настоящимъ «пianiзмомъ». Менѣе удачны «Mazurka mélancolique» того-же автора, написанная по извѣстному шаблону, созданному Шопеномъ, но безъ вдохновенія послѣдняго. Къ той-же категоріи салонной музыки относятся и три пьесы Эрика Мейера-Гельмунда (ор. 176): Rêverie, Moment musical и Valse-Causerie, которыя найдутъ, несомнѣнно, свою публику. Къ области музыкально-фортепьянной педагогической принадлежатъ «Mozartiana» Карла Рейнеке (ор. 253), представляющая сборникъ (въ двухъ тетрадяхъ) небольшихъ пьесокъ, предназначенныхъ для дѣтскаго возраста, въ основу которыхъ положены Моцартовскіе мотивы. Рейнеке является однимъ изъ немногихъ, въ настоящее время, страстныхъ поклонниковъ Моцарта и глубокихъ знатоковъ его. Уже это одно обстоятельство на ряду съ его огромной педагогической эрудицией, служитъ порукой тому, что пьесы эти исписаны съ полнымъ знаніемъ дѣла и вполне соответствуютъ своему назначенію. Произведеніе же Моцарта съ ихъ замѣчательной мелодической красотой и изяществомъ, какъ нельзя лучше, могутъ служить педагогическимъ цѣлямъ. Конечно, подобныя произведенія предпочтительны для соответствующаго возраста и степени подготовленія ученика, чѣмъ та масса однородныхъ произведеній, ежедневно выбрасываемыхъ на нотный рынокъ и преслѣдующихъ порой иныя цѣли. Къ той же области музыкальной педагогической принадлежатъ десять специаль-

ныхъ этюдовъ для перваго пальца г-жи А. Вессель, преподавательницы пріюта Принца Ольденбургскаго. Эти этюды будутъ встрѣчены преподавателями фортепьянной игры, несомнѣнно, съ большимъ удовольствіемъ, какъ восполняющіе чувствительный пробѣлъ въ специальной технической литературѣ. Этюды эти, помимо своей цѣлесобразности, отличаются мелодичностью, вносящей высшій музыкальный интересъ въ изученіе техническихъ приемовъ, столь необходимыхъ для усовершенствованія фортепьянной игры.

Той же фирмой выпущены два новыхъ произведенія для скрипки съ оркестромъ (или роялемъ) Пабло-де-Саразате: La chasse и Nocturne - Sérénade. Изъ нихъ первая рассчитана на болѣе законченныхъ скрипачей. Музыкальное содержаніе этихъ произведеній, правда, не велико, но, во всякомъ случаѣ, имя ихъ знаменитаго автора ручается за доброкачественность предложенной имъ музыки.

Столь бѣдная литература для флейты также обогатилась нѣсколькими новыми произведеніями. Сюда стносятся десять концертныхъ этюдовъ Эрнеста Кёлера, солиста Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ. Этюды эти представляютъ законченныя пьесы съ опредѣленными заглавіями, какъ напр. «У ручья», «Хлопя снѣга», «Буря», конечно, почти сплошь не соответствующими музыкальному содержанію. Это не помѣшаетъ, однако, чтобы на ихъ мелодичность, безукоризненное знаніе инструмента и, вообще, музыкальность, обратили вниманіе тѣ, для кого онѣ предназначены. Отдѣльные этюды,

Новый Кіевскій театръ.

служа различнымъ проблемамъ техники, представляютъ различную трудность, а потому допускаютъ специальный выборъ для каждаго даннаго случая. Безпретенціозныя, милыя пьески представляютъ три небольшихъ произведенія въ формѣ танцевъ (нѣмецкаго вальса, гавота, и мазурки) для флейты съ роялемъ Фрица Шиндлера (ор. 6). Пьески эти средней трудности, написаны не безъ изящества, особенно вальсъ. Онѣ пригодны какъ для педагогическихъ цѣлей, такъ и для публичнаго исполненія. Это относится и къ вышеназваннымъ этюдамъ Кёлера. Нѣкоторой дозой банальности мелодическаго рисунка, а также техническихъ приемовъ отличаются два сочиненія для флейты А. Кранца, профессора Женевской Консерваторіи: Idylle и Blondinette (Grande Valse). Что эти произведенія могутъ отвѣчать извѣстнымъ, невысокимъ потребностямъ, несомнѣнно.

«Ежедневныя упражненія для достиженія увѣренности тона и усовершенствованія техники для корнета, трубы, флигельгорна, альтгорна, теноргорна и бриктона» (въ двухъ тетрадяхъ) А. В. Югансона, солиста-корнетиста въ Императорскомъ балетномъ оркестрѣ въ Петербургѣ, представляютъ большой, разнообразный, цѣлесобразный матеріалъ для намѣченной цѣли. Упраженія эти одобрены Художественнымъ Совѣтомъ С.-Петербургской Консерваторіи и, дѣйствительно, являются серьезнымъ вкладомъ въ соответствующую литературу.

«Фаустъ» Гуно не могъ оставить извѣстнаго солиста Его Величества В. Вурма къ себѣ равнодушнымъ. Имъ издана у той-же фирмы Ю. Г. Циммермана фантазія для корнета съ пистонемъ на мотивы изъ популярной оперы. Мотивы выбраны удачно и соединены со вкусомъ. *Г.*

Московскія письма.

Г. Гославскій не новый человекъ въ театрѣ и его дарованіе вполне опредѣлилось. Это одинъ изъ такъ называемыхъ реалистовъ, пишущій живо и тепло, но пишущій въ сущности не то, что есть, а то, что должно быть по установленному кодексу добра и зла. Онъ упорно цѣпляется за старыя ветшающія формы, въ которыхъ такъ еще недавно безропотно укладывалась жизнь, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ литературныхъ произведеній. Онъ показалъ, какъ разлагается дворянская семья и какъ наступаетъ «Расплата» за несомнѣнный по его кодексу грѣхъ неприкосновенности къ скромному житейскому труду. Онъ очень сценично и занимательно изобразилъ молодую дѣвушку въ условіяхъ жизни гувернантки и сравнилъ ее съ «Подорожникомъ» — жалкой придорожной травой, которую мѣгутъ топтать и грязнить всѣ мимоидущіе. На самомъ дѣлѣ «Подорожникъ» оказался крупнѣе, сильнѣе, даже попросту счастливѣе своихъ притѣснителей и только по какому-то нелѣпому недоразумѣнію не вышелъ замужъ за богатаго и очень добраго жениха. У г. Гославскаго есть фарсъ «Метель», похожій на всѣ фарсы, и народная драма, по общему рецепту народныхъ драмъ. Наконецъ, онъ написалъ фантастическую сказку «Разрывъ-трава» и недавно она была представлена на сценѣ Нового театра.

Въ мировоззрѣніи г. Гославскаго слишкомъ много условной искусственности и въ его талантѣ слишкомъ мало истинной поэзіи для того, чтобы онъ могъ написать хорошую сказку. Онъ написалъ ее грузински надуманными стихами, якобы народнымъ языкомъ «эссенцій», какъ говорилъ Достоевскій и вложилъ въ нее свою книжную прямолинейную оцѣнку жизненныхъ явленій (любовь побѣждаетъ въ ней силу), въ то время, какъ сказкѣ прежде всего и послѣ всего нужна была красота. Онъ взялъ сборникъ Аванасьева и подобралъ для себя подходящія миѳы, между тѣмъ какъ долженъ былъ усвоить сказочное міросозерцаніе, если хотѣлъ дѣлать дѣло искусства. Вообще это была очень смѣлая попытка для молодого писателя: писать сказку. Островскій въ «Снѣгурочкѣ» самъ похожъ на царя Берендѣя во всей мощи объективнаго эпикурейски-изысканнаго служенья красотѣ. Это — кружевная работа. Такимъ талантъ можетъ стать только на закатѣ жизни, на высотѣ полного самопознанія, всеиспытанія и всепрощенія. Наша драматургія совсѣмъ небезталанна и между тѣмъ очень трудно указать современнаго русскаго автора, который можетъ написать хорошую сказку для сцены. Народная поэзія въ «Разрывъ-травѣ» обработана въ видѣ тѣхъ немудрыхъ сказочекъ для дѣтей, которыя выходятъ десятками къ Рождеству для подарковъ: красивая обложка, прозаическое изложеніе «своими словами» поэтическихъ красотъ и нелѣпо приклеенная моральная сентенція.

Если авторъ «Разрывъ-травы» и очень далеко отъ художника, свершившаго все, что надлежало свершить и готоваго къ свободному объективному полету вдохновенія, то ближе къ нему ея режиссеръ А. П. Ленскій. Съ видимымъ увлеченіемъ онъ вложилъ въ тяжелую грубую работу г. Гославскаго тепло, грацію и совсѣмъ сказочную нѣжную красоту. Здѣсь дѣло не въ отдѣльныхъ роляхъ, которыхъ и нѣтъ у г. Гославскаго, а въ общей стилистичности и тонкихъ краскахъ исполненія. Благодаря имъ «Разрывъ-трава» производитъ необыкновенно чистое художественное впечатлѣніе. Поставивъ «Сонъ въ лѣтнюю ночь», «Снѣгурочку», теперь «Разрывъ-траву», А. П. Ленскій сдѣлался настоящимъ режиссеромъ для сказки. Здѣсь онъ гораздо сильнѣе К. С. Станиславскаго: проще, мягче и объективнѣе...

Около московскихъ театровъ въ нынѣшнемъ году какъ-то настойчиво проявляется реклама. «Разрывъ-траву» г. Гославскаго называли чудомъ изъ чудесъ, «Нефтяной фонтанъ» гг. Величко и Маро оказывался выдающимся произведеніемъ. Все это очень мелко, незначительно и по отношенію къ сказкѣ г. Гославскаго совсѣмъ безобидно. «Нефтяному фонтану» предшествовали восхваленія, якобы со словъ артистовъ Малаго театра, занятыхъ въ этой пьесѣ. И «Нефтяной фонтанъ», изображающій пеструю картинку жизни на Кавказѣ, въ атмосферѣ горячки наживы, вокругъ новаго нефтянаго предприятия, имѣлъ въ публикѣ нѣкоторый успѣхъ. Это было, впрочемъ, особенный спектакль: въ пользу семьи покойнаго режиссера С. А. Черневскаго — по очень возвышеннымъ цѣнамъ и въ очень буржуазномъ составѣ публики.

Говорятъ, что второе представленіе совсѣмъ неудалось. Дѣло не въ томъ, что пьеса гг. Величко и Маро — очень плохая пьеса. Существуетъ извѣстный предѣлъ дозволеннаго, за которымъ начинается неуваженіе къ искусству. Этотъ предѣлъ опредѣляется не столько достоинствами пьесы, сколько тономъ автора, его отношеніемъ къ театру, къ публикѣ, къ своей работѣ, которые всегда и очень опредѣленно чувствуются со сцены. Авторы «Нефтянаго фонтана» перешли этотъ предѣлъ. Эта пьеса такъ небрежно написана, какъ не пишуть уличныхъ корреспондентій въ газетныхъ листкахъ: тамъ все же стремятся къ ясности и даже нѣкоторой картинности изложенія. Ея построеніе такъ наивно, что прямо оскорби-

тельно для зрителя, пять актовъ просидѣваго въ театральномъ залѣ. Ея лица и слова такъ безмѣрно глупы, что ихъ явно въ насмѣшку выдумывали авторы, какъ и острофы вродѣ: «Его не обойдешь, потому что онъ необходимъ!» — «Ахъ, какой онъ задушенный!» — «Да, онъ можетъ задушить». И среди этой пошлости обычныхъ противуположескія тенденціи. Армяне и грузины, г. Величко и газета «Кавказъ» — какое дѣло искусству до всего этого? Я еще вернусь къ «Нефтяному фонтану». Въ сужденіи объ этой пьесѣ я не хочу быть голословнымъ.

И. Ляцевъ.

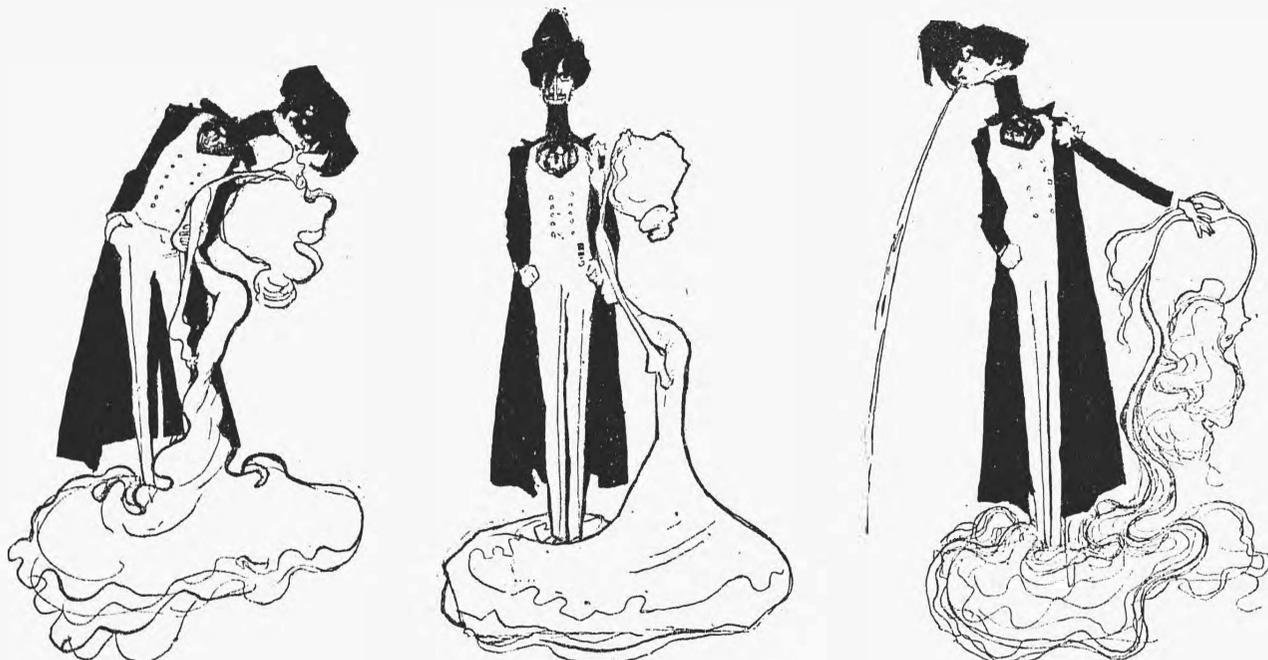

Рецензія съ комментаріями.

Театральныя рецензіи слѣдуетъ читать съ комментаріями. Будущему историку театра, литературы и нравовъ предстоитъ не мало труда, когда онъ станетъ разбираться въ рецензіяхъ. Всѣ читавшіе переводы классиковъ — Эукидиды, Тацита, Софокла — съ примѣчаніями французской Академіи, могутъ себѣ представить, по аналогіи, также и комментаріи къ театральнымъ рецензіямъ. Нѣкоторые комментаторы доказываютъ, что оды Горация суть сатиры. Быть можетъ, и нынѣшнія рецензентскія оды должно иногда читать какъ сатиры, при помощи комментаріевъ. Черезъ 100 лѣтъ, быть можетъ, мы прочтемъ вотъ какой отрывокъ изъ труда будущаго историка театра: небольшая рецензія и соответствующіе къ ней комментаріи.

Въ Привескомъ театрѣ 5 октября шла въ первый разъ пьеса Альбины Чухлобоковой ¹⁾ «Диадема» («Кри-Кри»). Симпатичный ²⁾ авторъ «задался цѣлью» въ плѣнительной ³⁾ формѣ изобразить положеніе бѣдной дѣвушки, которая желаетъ остаться честной, кричитъ «Кри-Кри», но обстоятельства таковы, что за каждымъ «Кри-Кри» слѣдуетъ новая диадема. Въ послѣднемъ актѣ героиня срываетъ съ себя всѣ драгоцѣнности и въ сопровожденіи судебного слѣдователя ⁴⁾ сначала отправляется въ адміністрацію судебныхъ установленій, а оттуда въ ресторанъ Лаказа ⁵⁾, гдѣ играетъ оркестръ Саввы Падуріано ⁶⁾. Остроумный діалогъ ⁷⁾, масса ⁸⁾ наблюдательности, широкая общественная ⁹⁾ идея, положенная въ основаніе новаго произведенія нашего симпатичнаго собрата, обеспечиваютъ полнѣйшій успѣхъ пьесы, тѣмъ болѣе что исполненіе было безукоризненное: г-жа Везшевина была очаровательна въ черномъ муаровомъ платьѣ ¹⁰⁾ и провела роль въ надлежащемъ тонѣ ¹¹⁾, за что получила воллѣбную ¹²⁾ корзину цвѣтовъ, г. Пудорыловъ вложилъ много душевной теплоты ¹³⁾ въ исполненіе роли Саввы Падуріано, г. Дубоголовъ, обшачившій много, наполовину выполнилъ свое обшачиваніе ¹⁴⁾. Нужно ли говорить, что высокоталантливая ¹⁵⁾ Лукерья Миліевна Гарабумбіева играла какъ всегда? ¹⁶⁾ Авторъ былъ вызванъ и расклатывался. Мы не слышали протестовъ ¹⁷⁾. *Тилибомъ.*

1) Альбина Чухлобокова — вела въ газетѣ «Московская Кофейница» отдѣлъ «По панелямъ и бульварамъ». Будучи за мужемъ за актеромъ Курослѣповымъ, имѣла также вліяніе и въ закулисныхъ сферахъ. Подъ псевдонимомъ же «Тилибомъ» писалъ въ свое время извѣстный Эрастъ Брюховъ, намѣревавшійся поставить у Шарля Омона свою новую пьесу «Сердце Хулигана», о чемъ въ газетѣ «Все-свѣтній Трущобникъ» отъ 17 августа читаемъ: «Нашъ сотрудникъ г. Эрастъ Брюховъ получилъ уже отъ Шарля Омона авансъ въ 250 р., переводомъ по почтѣ». Такимъ образомъ Эрастъ Брюховъ («Тилибомъ») находился въ прямой зависимости отъ Альбины Чухлобоковой, какъ сотрудника газеты «Московская Кофейница», такъ равно и супруга ея актера Курослѣпова. См. № «Московской Кофейницы» отъ 3 сентября: «Шарль Омонъ заручился блистательною новинкою, превосходящею все, что до сихъ поръ было написано въ хулиганскомъ родѣ, именно пьесой «Сердце Хулигана». Независимо

„Сверхчеловѣкъ“ и „Сверхпоцѣлуй“.

(Lus. Blätter).

отъ аванса въ 250 р. Эрастъ Брюховъ получилъ 75 р., уплаченныхъ по счету въ гостиницу „Россія“.²⁾ „Симпатичный авторъ“. Слово „симпатичный“ впервые встрѣчается въ рецензіяхъ 1900 г., въ примѣненіи къ автору пьесы „Лорбумъ“. Авторъ ѣздилъ по театральнымъ критикамъ съ бутылкою лампаднаго масла и „мазалъ ихъ по пузу“. Ср. „Отрывные Листки“ № 1798 газеты „Сорванецъ“³⁾ „Плѣнительной“ *формы*. Поставленное въ ковычки прилагательное „плѣнительный“ слѣдуетъ считать двусмысленнымъ. Героиня „Кри-Кри“, можно думать, носила прозвище „Плѣниры“. Въ № 149 „Всесвѣтнаго Трущобника“ читаемъ: „Большой петербургскій призъ собралъ множество представительницъ веселящагося Петербурга. Назовемъ золотистаго Котика, всегда изящную *Плѣниру*, прелестнаго Стрѣлочка и др.“ Не настаиваемъ на такомъ толкованіи слова „плѣнительный“, но странно, что оно поставлено въ ковычки. Толковать эти ковычки въ явно недоброжелательномъ для автора смыслѣ невозможно, такъ какъ мы уже приводили выдержку изъ московской газеты о пьесѣ Эраста Брюхова (Тилибомъ)⁴⁾ *Судебнаго слѣдователя*. Изъ изложенія пьесы не видно, собственно говоря, при чемъ тутъ судебный слѣдователь. Однако внимательный обзоръ произведеній русской драматургіи за это время убѣждаетъ насъ, что судебный слѣдователь появлялся, какъ необходимый эффектъ, въ большинства пьесъ, и что безъ судебного слѣдователя рѣдкая пьеса признавалась сценичной.⁵⁾ *Лаказа*. Ресторанъ Лаказа славился своимъ дружелюбнымъ отношеніемъ къ представителямъ литературы. Срав. куплетъ:

Въ ресторанѣ у Лаказа
Быль я пьянъ на оба глаза.

⁶⁾ Савва Падуріано—знаменитый „шефъ“ румынскаго оркестра. Подозрѣваютъ, что въ 1901 г. подъ этимъ псевдонимомъ скрывался извѣстный капельмейстеръ Коръ-де-Лясъ. См. „Рус. Старина“ за 1938 г. „Какъ Савва Падуріано выручилъ меня изъ бѣды“ („Литературныя воспоминанія“ Валеріана Пентюхова).⁷⁾ *Остроумный діалогъ*. Образчикъ см. выше.⁸⁾ *Масса*. Въ началѣ XX вѣка слово „масса“ употребляли въ самыхъ неподходящихъ случаяхъ. Въ первый разъ встрѣчаемъ выраженіе „масса юмора“

въ описаніи драки двухъ юмористовъ въ общественномъ мѣстѣ. „Масса юмора лежала на полу, въ изорванномъ и испачканномъ платьѣ“.⁹⁾ *Общественная идея*. Выраженіе „общественная идея“ въ началѣ XX вѣка имѣла особый, значительно суженный смыслъ. Общественное отождествлялось съ публичнымъ. „Общественныя кареты“, „общественныя бани“. Можно думать, что „общественная кри-кри“ разумѣлась въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, безъ всякаго отношенія къ направленіямъ политической мысли и вопросамъ гражданскаго быта.¹⁰⁾ *Черномъ муаровомъ платьѣ*. Черное муаровое платье не представляло чего такого, что стоило бы подчеркнуть. Въ №№ газетъ, слѣдовавшихъ за рецензіей, правда, было напечатано объявленіе: „Черный муаръ! Дешевая распродажа! Лквидациа!“ Но опредѣлительно указать на какую нибудь связь — мы не беремъся.¹¹⁾ *Надлежащій тонъ*. Можно думать, что это выраженіе употреблено было, за невозможностью сказать что нибудь любезное по адресу г-жи Безшейной. Сравни: „г-жа Некатаева умерла въ *надлежащемъ тонѣ*“.¹²⁾ *Волшебную корзину*. Въ архивахъ Приневскаго театра нами найдена слѣдующая записка: „Уплачено за волшебную корзину цвѣтовъ для Безшейной—43 р. Режиссеръ Провъ Сердечкинъ.“¹³⁾ *Душевноты*. Свѣдѣнія объ актерѣ Пудорыловѣ сбивчивыя. Однако, извѣстно, что онъ былъ племянникомъ директора департамента благихъ начинаній. (См. мемуары Эр. Брюхова „Мои скитанія“).¹⁴⁾ *Общаніе*. О какихъ общаніяхъ тутъ говорится—трудно сказать. Можно догадаться по смыслу, что это было общаніе въ разсрочку.¹⁵⁾ *Высокоталантливая*. Этотъ эпитетъ введенъ въ употребленіе приказомъ по рецензентамъ отъ 14 сентября 1896 г. „Именовывать Лукерью Миліевну высокооталантливой, впредь до особаго на сей счетъ распоряженія. Критикусъ“.¹⁶⁾ Стѣсненные названнымъ приказомъ Критикуса, рецензенты писали о Лукерьѣ Миліевнѣ, что она „играла какъ всегда“.¹⁷⁾ „Мы не слышали протестовъ“ — не значитъ, что ихъ не было. Тилибомъ хотеть лишь этимъ сказать, что не полагается на чуткость своего слуха. Возможно, что у него былъ насморкъ, и уши были заложены. Эта фраза, однако, не по-

правилась Чухлобоковой, ибо про первое представление „Сердце Хулигана“ было сказано: „мы не слышали аплодисментовъ, такъ какъ въ это время выходили покурить“.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Смиранный Библиографъ.

Милочка.

(Продолженіе *).

Жаровъ жадно и съ видимымъ наслажденіемъ ѣлъ простоквашу, которую ему заказала и велѣла принести Свѣтлова, а та сидѣла около него, вся въ свѣтломъ, со спутаннымъ на лбу кудрями, повидимому, въ совершенно беззаботномъ и веселомъ настроеніи; на столѣ благоухала корзина, полная розъ, присланная вчера въ уборную Быховцевымъ.

— Однако же, и аппетитище же у тебя, Сашка, такую миску уплелъ.

— Милочка, я самъ не знаю, что со мной сдѣлалось съ тѣхъ поръ, какъ ты здѣсь появилась! Я спалъ прекрасно, теперь ѣмъ, я себя не знаю! Вѣришь ли, вѣдь, дошелъ до того, что пальцемъ пошевелить не хотѣлось: что подадутъ, — какъ подадутъ, все равно... по два, по три дня не мылся... да что я! Комнату и ту ты преобразила въ два дня: чисто вездѣ, цвѣтами пахнетъ... розы-то! розы!.. Да вѣдь ихъ Богъ знаетъ когда въ послѣдній разъ нюхалъ.

Онъ захлебнулся, не простоквашей, которую уже давно кончилъ, а слезами, вдругъ сдавившими горло и брызнувшими изъ глазъ.

— Это еще что за сентиментальности?—крикнула Мила, моментально обтирая его лицо своимъ платкомъ,— по просьбѣ публики прошу отставить, этотъ номеръ нейдетъ, публика желаетъ смѣяться! Слышишь?—она погрозила пальцемъ.

— Слышу, Мила, слышу, родная, да вѣдь вотъ ты ворвалась, какъ солнце, ко мнѣ пригрѣла, освѣтила, къ жизни вызвала, а потомъ-то, потомъ, вѣдь страшно подумать, черезъ недѣлю, много десятъ дней, ты уѣдешь...

— А тебѣ чего здѣсь оставаться?

— Голубушка, да куда же я поѣду? У меня есть еще рублей пятьдесятъ, здѣсь я на эти деньги лѣто проскриплю, номеръ-то теперь дешевле отдадутъ, ну, а къ осени подпишу контрактъ, куда бы ни пришлось, туда, гдѣ меня не видали, а знаютъ по имени... ну, авансъ вышлютъ... такъ и поѣду... слушать буду...

— Не мели! Не можешь ты здѣсь остаться, когда мы уѣдемъ; я сегодня видѣла доктора, онъ меня успокоилъ, говоритъ, что у тебя не чахотка, а сильная простуда... бронхитъ...

— Это-то я знаю, я и не боюсь чахотки, грудь у меня хорошая!

Жаровъ, какъ все чахоточные, былъ убѣжденъ, что именно у него не можетъ быть этой болѣзни.

— А, тѣмъ не менѣе, ты поѣдешь въ Крымъ.

— Я! въ Крымъ? Вотъ насмѣшила!—Онъ закашлялся долгимъ, хриплымъ кашлемъ, отхаркивая мокроту, которую ходилъ плевать изъ окна.

Слушая эти странные звуки, у Свѣтловой сжималось сердце, ей было страшно, инстинктивно противно и безконечно жалко молодого, красиваго и когда-то такъ беззаботно веселаго товарища.

— Вотъ видишь, какъ ты кашляешь, вѣдь такую простуду схватилъ!

— Да, кашляю... простудился...

— Ну вотъ! Ты, Саша, меня слунайся... У меня есть скопленные деньги...

— У тебя? Да что ты?

— Да, вотъ подивись! Такъ случилось, видно все на свѣтѣ бываетъ. Захотѣлось мнѣ, видишь, съѣздить за границу, засѣло гвоздемъ, ну, я и давай копить, а теперь у меня ангажементъ въ Петербургѣ, пропустить я его не хочу... ну, да словомъ, что я съ тобой буду долго разговаривать. Деньги есть настоящія, ты поѣдешь въ Крымъ и будешь лѣчиться, хватить... Я лѣто прослужу, осенью приѣду къ тебѣ, сентябрь отдыхать, въ самый сезонъ, видишь, какъ важно: а на зиму мы съ тобой возьмемъ ангажементъ вмѣстѣ, хочешь?

— Съ тобой вмѣстѣ? Да ты что, — началъ онъ робко,— не шутишь, не смѣешься?

— Нѣтъ, Саша, если будешь лѣчиться, вотъ тебѣ моя рука, все пополамъ!

— Мила! — онъ протянулъ руки, дѣвушка сѣла возлѣ него, положила голову ему на грудь и чутко прислушивалась, какъ тамъ все хрипѣло и переливалось.

Жалость сильнѣе любви, и это чисто женское чувство безконечною нѣжностью наполнило ея сердце, она искренне готова была отдать все-все, чтобы вырвать этого человѣка у смерти.

Они долго сидѣли, составляя планы, она—съ тоской, сознавая, что все это только хорошія, милыя слова, онъ—съ надеждой и вѣрой, лихорадочно блестя глазами, съ жаркимъ румянцемъ, переливающимъ то на одной, то на другой щекѣ.

„Александръ Сергѣевичъ, съ тѣхъ поръ, какъ я выступила на подмосткахъ этого театра и до сегодняшняго дня, когда уже кончается сезонъ, вы осыпали меня вещественными и невещественными доказательствами вашего, какъ вы выражались, „во-сторга и поклоненія“. Сотни разъ вы повторяли мнѣ, что готовы все для меня сдѣлать, и вотъ я первый разъ обращаюсь къ вамъ съ просьбой; мнѣ надо пятьсотъ рублей; деньги эти я, вѣроятно, никогда не буду въ состояніи вернуть вамъ, но если вы ихъ мнѣ дадите, то не фразой, но всѣмъ сердцемъ, горячо, искренне буду вамъ благодарна. Скажите,—можете вы безразсечно, безвозвратно, словомъ — совсѣмъ, совсѣмъ просто сдѣлать для меня это громадное одолженіе?“

М. Свѣтлова“.

„М-де Мила, деньги готовы и лежатъ въ конвертѣ, я ихъ даю вамъ безвозвратно и съ величайшимъ удовольствіемъ, но не безразсечно... Я рассчитаю видѣть васъ своей гостьей, буду ждать васъ завтра, послѣ спектакля, въ Сѣверной гостиницѣ, гдѣ для васъ будетъ приготовленъ ужинъ и деньги.“

Неизмѣнный поклонникъ вашей красоты и таланта А. Б.“

*) См. № 40.

Отвѣтъ Быховцева былъ таковъ, какой она и ожидала, когда отбрасывала перо, ломала его раньше, чѣмъ написать свою просьбу о деньгахъ, но она сумѣла усыпить себя, убаюкать надеждой, что: — а вдругъ это дѣйствительно благородный, добрый человекъ, который вовсе не покупаетъ ее, а балуетъ, какъ талантливую актрису? Вотъ возьметъ и пришлетъ ей пятьсотъ рублей, такъ, безъ всякаго слова, въ конвертѣ. При этой мысли сердце ея точно расширялось въ груди, наполнялось горячей благодарностью... Тогда... тогда она пригласитъ его къ себѣ, попроситъ у него прощенія за свои „штучки“ и по просту броситъ ему на шею, расцѣлуетъ его, откровенно раскажетъ, на что ей эти деньги, и какъ трудно ей было рѣшиться написать ему. Но — отвѣтъ пришелъ... грубый и ясный... безразсечно денегъ не даютъ... приди и разсчитайся за нихъ...

Сердце Милы горѣло, ея душила злость на себя, на свою наивность... она разорвала письмо въ мельчайшіе клочки, не все ли равно, каждое его слово уже впилось въ ея мозгъ. Она рѣшила ѣхать въ Сѣверную гостиницу... Это рѣшеніе такъ подняло ея нервы, что въ этотъ вечеръ она играла, какъ никогда

Спектакль кончился. Свѣтлова, не разгримировавшись, сидѣла въ уборной, задумавшись передъ зеркаломъ. Сегодня ея особенно тепло принимала публика, но это не успокоило ея взволнованнаго сердца, она машинально слѣдила за горничной, убиравшей туалетъ.

Въ послѣднемъ актѣ на сценѣ она топилась и теперь продолжала сидѣть съ распущенными волосами, въ бѣломъ платьѣ, узкомъ, мягкомъ, такъ и льнувшимъ къ ея тѣлу при каждомъ движеніи.

Темные, теперь мрачные глаза ея, обведенные, подчеркнутые гримомъ, казались громады; блѣдное лицо, ярко пунсовые губы и выраженіе глубокой, злой думы дѣлали ея неузнаваемо чужой...

Не постукавъ въ дверь, въ уборную Милы вошла Акулова.

— Милочка, ты не сердись, но я должна поговорить съ тобой откровенно.

Свѣтлова, не шевелясь, и казалось, не слыша чужого голоса, продолжала сидѣть, погрузивъ взоръ въ пучину собственныхъ глазъ, отраженныхъ зеркаломъ.

— Я пришла тебѣ сказать...

— А ну васъ къ чорту! — вдругъ вырвалось у Свѣтловой, она встала съ табурета, сорвала съ гвоздя сѣрое манто, подбитое розовымъ атласомъ, закуталась въ него, накинувъ на голову кашюшонъ и, кинувъ горничной Дашѣ приказаніе ѣхать домой, не ожидая ея, вышла.

Акулова отъ страха даже шарахнулась отъ дверей.

— Вотъ шала, куда это въ этакое видѣ побѣжала, ужъ и взаправду не топиться ли?

— Да будетъ вамъ глупости-то врать, не шлялись бы по чужимъ уборнымъ, такъ лучше было бы... — и Даша, ворча, прошла тоже мимо *grande-dame*, не стѣсняясь толкнувъ ее въ бокъ своими картонками.

— Сюда пожалуйста-съ, ждуть-съ, сюда-съ... Лакей, извиваясь, какъ угорь, шель впередъ, показывая Милѣ дорогу къ отдѣленію, занятому Быховцевымъ.

Мила стукнула въ дверь кистью лѣвой руки...

Н. Лухманова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТИФЛИСЬ. Кавказская юбилейная выставка открылась вмѣсто 20-го августа 2 сентября и вмѣстѣ съ нею открылся выставочный театръ съ пресловутыми развлеченіями, о которыхъ я уже писалъ въ послѣдней моей корреспонденціи. За исключеніемъ національных хоровъ, выставочныя увеселенія ничѣмъ не отличаются отъ обычныхъ садово-кафешантантныхъ развлеченій нашихъ культуртрегеровъ вродѣ Омона. Для насъ, тифлисцевъ, канканъ и шансонетка въ столь широкихъ размѣрахъ является пока новинкой, и потому гг. пайщики-увеселители назначили цѣны довольно высокія. Помимо платы за входъ на выставку (30 коп. въ будни и 20 коп. по воскресеньямъ) необходимо приобрѣтать билетъ въ театръ, который стоитъ не менѣе 50 коп. Говорятъ, стоимость выставочныхъ увеселеній за два мѣсяца исчисляется въ 38 тысячъ руб. Сумма весьма почтенная; за эти деньги можно было создать что-нибудь получше безголовыхъ пѣвчихъ и канканирующихъ иностранокъ. Во всей программѣ увеселеній заслуживаютъ вниманія лишь грузинскій и армянскій хоры. Первый изъ нихъ составленъ г. Каргаретели исключительно для выставки и исполняетъ грузинскія національныя пѣсни во всей ихъ цервобытнотной неприкосновенности, что порой не особенно приятно для европейскаго уха. Совсѣмъ не то армянскій хоръ Г. Кара-Мурза — старый музыкантъ. Его хоръ пользуется давнѣйшей и вполне заслуженной репутаціей лучшаго туземнаго хора. Армянскія пѣсни исполняются въ переложеніи и аранжировкѣ самого г. Кара-Мурзы.

9-го сентября открылся оперный сезонъ въ казенномъ театрѣ. На этотъ разъ въ труппѣ нѣтъ ни одного италианца, чѣму нельзя не порадоваться отъ всей души. Составъ труппы слѣдующій: г-жи Асатурова, Гушина, Инсарова, Норина, Радина (сопрано), Ленская, Михайлова, Попова (меццо-сопрано и контральто), Бауэръ, Кожевникова, Морева, Романовская (второй партіи); гг. Борисенко, Розановъ, Эрнстъ (тенора), Герасименко, Коміонскій, Максаковъ (баритоны), Горяиновъ, Дисненко, Сибириковъ, Рябиновъ (басы), Бунимовичъ, Гриневъ, Каргаретели, Свободинъ (второй партіи). Дирижеры гг. Пагани и Барбини. Такимъ образомъ за исключеніемъ г-жъ Асатуровой, Гушиной, Инсаровой, Норини и Михайловой, всѣ артисты этого сезона наши старые знакомые. Да и г-жи Михайлова и Гушина небезызвѣстны тифлисской публикѣ, такъ онѣ дебютировали въ прошломъ сезонѣ. Увеличены хоръ, оркестръ и балетъ. Изъ новинокъ обѣщаны къ постановкѣ: «Исконитянка» Римскаго—Корсакова, «Забава Путятишна» Иванова, «Манонъ Леско» Масснэ и «Лакмэ» Делиба. Кромѣ того предполагается возобновить: «Купца Калашникова», «Ферморскъ» и «Маккавеи» Рубинштейна, «Майскую ночь» Римскаго-Корсакова, «Сицилійскую вечерню» Верди, «Юне или разрушеніе Помпеи» Петрело и «Марту» (?) Флотова. Сезонъ открылся «Жизнью за Царя»; затѣмъ поставлены: «Демонъ», «Фаустъ», «Русалка», «Аида», «Жизнь за Царя» (утромъ въ воскресенье), «Князь Игорь», «Садко», и снова «Демонъ». Откладывая подробную характеристику отдѣльныхъ артистовъ до слѣдующей корреспонденціи, я позволяю себѣ остановитъ вниманіе на г-жѣ Инсаровой. Эта пѣвица — безспорно прекрасное приобрѣтеніе для нашего театра. Хотя голосъ г-жи Инсаровой не первой свѣжести, но этотъ недостатокъ вполне искупается выразительностью пѣнія, прекрасной дикціей и умѣнемъ въ совершенствѣ обращаться со своими голосовыми средствами. Благодарная внѣшность, темпераментъ, умѣнье проникнуться характеромъ роли — вновь данная артистки. Къ сожалѣнію, г-жа Инсарова не чужда нѣкоторой позировки и нѣкотораго излишняго подчеркиванія. О г-жѣ Асатуровой, дебютировавшей въ партіяхъ Тамары («Демонъ») и Аиды, я пока воздержусь высказываться опредѣленно. Художественная часть пока остается въ прежнемъ зачаточномъ состояніи и надежды на дальнѣйшее развитіе не подаетъ. Не могу не отмѣтить симпатичнаго начинанія: во время выставки дирекція казеннаго театра предполагаетъ ставить общедоступные спектакли утромъ по воскресеньямъ по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ. Было бы хорошо ставить эти спектакли не только во время выставки, но въ теченіе всего сезона. Еще одно нововведеніе, которое повергло въ глубокое уныніе нашихъ оперомановъ и всевозможныхъ «истокъ». Артисты на вызовы болѣе трехъ разъ выпускаемы не будутъ.

Артистическое О-во еще не открывало сезона, хотя 11 сентября и была поставлена «историческая» пьеса мѣстнаго автора М. Михайлова (псевдонимъ) «Подъ сѣнь Орла». Пьеса написана по случаю столѣтняго юбилея присоединенія Грузіи къ Россіи, и какъ большинство пьесъ, написанныхъ на заказъ обладаетъ множествомъ недостатковъ при слишкомъ немногихъ достоинствахъ. Единственное достоинство новой пьесы — то, что она коротка, но еслибъ ея четыре акта можно было сократить въ одинъ, она бы выиграла еще больше. Во всякомъ случаѣ Артистическому О-ву не слѣдовало бы ставить такое скучное и не художественное произведеніе, а тѣмъ болѣе втрачивать на постановку что-то около 1000 руб. Съ 1 октября въ театрѣ Артистическаго О-ва начнутся спектакли

драматической труппы С. П. Волгиной. Въ составъ труппы, кромѣ самой г-жи Волгиной, входятъ между прочимъ: г-жи Тираспольская, Евгеньева, Алексинская, Алинская, Фоминова, Милославская, Глинская, Бестужева, Аксакова, Уралова, г. Аркуниъ, Петига (младшій), Волковъ-Зима, Максимовъ, Улихъ, Яковлевъ, Хмѣльницкій, Сокольскій, Вронскій и другіе. Режиссеръ А. И. Улихъ. Спектакли будутъ ставиться ежедневно, за исключеніемъ среды, которая Арт. О-во оставляетъ за собой для своихъ домашнихъ любительскихъ вечеровъ. Въ ноябрѣ предполагаются гастроль бр. Адельгеймъ.

Малороссы на дняхъ заканчиваютъ сезонъ въ лѣтнемъ театрѣ г. Валентинова. На послѣдокъ г. Суходольскій вздумалъ поставить «Гейшу» на русскомъ языкѣ. Изъ этой затѣи г. Суходольскаго не вышло ничего хорошаго. На сколько удовлетворительны молороссійскіе артисты въ пьесахъ своего репертуара, на столько слабы они оказались въ опереткѣ. Поставлена «Гейша», впрочемъ, довольно тщательно и дала три очень хорошихъ сбора, что и слѣдовало доказать. *Пенсы.*

ОДЕССА. Первыми спектаклями шли «Три сестры», «Расплата», «Тяжелые дни», «Огни Ивановой ночи», «Не въ деньгахъ счастье», «Эдипъ-царь», «Докторъ Штокманъ», «На распутьи» нѣкоего г. Звъздича, а по выраженію «Од. Лис.»—«нашего талантливаго сотрудника», въ пьесѣ котораго, по словамъ рецензента той же газеты, «имѣется, разумѣется, все, чему подобаесть (?) быть въ пьесѣ: любовныя интриги и все прочее». Особенно часто шли «Тяжелые дни» и «Три сестры».

Сборы выше среднихъ и публика охотно рукоплещетъ труппѣ Соловцова. Апплодируютъ иной разъ и тому, что плохо. Чтобы судить о публикѣ, ея литературно-художественнымъ развитіи—достаточно наблюдать ее въ театрѣ. Труппа г. Соловцова страдаетъ, главнымъ образомъ, отсутствіемъ ансамбля: г. Шуваловъ, Багровъ, Скуратовъ, Недѣлинъ и «самъ генераль отъ драмы», г. Соловцовъ—все это солисты, привыкшіе играть первую скрипку въ пьесѣ, не работая о тѣмъ и стройности, и потому нѣкоторыя пьесы, а особенно «Три сестры», требующія отъ исполнителей прежде всего, такъ сказать, сценической солидарности и взаимной чуткости,—прошли посредственно. Участвовавшіе въ «Трехъ сествахъ» артисты хотя и пытались дать нѣкоторое настроеніе и какою-то меланхолическую окраску, но и то и другое было явно искусственно. Интересно было бы знать, почему режиссеръ нашелъ нужнымъ придать всей пьесѣ («Три сестры») какой-то тенденціозный характеръ? Въ Чеховскихъ произведеніяхъ мелкія картины будничной жизни рисуются одинаково безстрастно, какъ и крупныя явленія, безъ намековъ и подчеркиваній.

Главные роли въ «Докторѣ Штокманѣ» и «Эдипѣ» г. Шуваловъ проводитъ правильно, вѣрно, но игра этого талантливаго артиста «не убѣдительно», исполненіе его почти всегда страдаетъ отсутствіемъ сердечной теплоты, искренняго чувства—всего, что согрѣваетъ и волнуетъ умъ и сердце зрителя! Игра г. Соловцова, страдаетъ нѣкоторою «сценической безличностью», если можно выразиться. Охотно промолчу, когда г. Соловцовъ нехотя и небрежно играетъ въ пьесѣ какого-то Сидорова-Петрова, но когда «Скупого рыцаря» и главную роль въ «Тяжелыхъ дняхъ» Островскаго г. Соловцовъ играетъ какъ бы «неглиже съ отвагой»—это нехорошо.

Во всей труппѣ, довольно многочисленной, нѣтъ «бытовика» и серьезнаго комика. Г. Багровъ въ одинъ тонъ и цвѣтъ играетъ огнедышащихъ любовниковъ, а игра г. Скуратова, которая такъ нравилась мнѣ еще лѣтъ 10 назадъ, теперь кажется нѣсколько вялой, тяжелой и отдаеъ досадной маниловщиной... Г. Степановъ 1-ый считается въ труппѣ, по недоразумѣнью, первымъ комикомъ; на самомъ же дѣлѣ это прекрасный проstackъ, и за предѣлами этого ампула, въ серьезныхъ сценахъ, за отсутствіемъ внутреннихъ средствъ, г. Степановъ прибѣгаетъ къ «трясучкамъ и конвульсіямъ». Есть еще способный знакомый по Харьковской сценѣ, тогда еще незамѣтный, артистъ, молодой любовникъ-проstackъ,—полезный и добросовѣстный, г. Степановъ П-ой.

Г-жа Глѣбова появилась въ «Родинѣ» и «Цѣпяхъ»... Въ талантливой и признанной артисткѣ все прекрасно, пока это не выходитъ за предѣлы мелодрамы. У каждаго художника есть предѣлы. Г-жа Глѣбова, все что было въ ней лучшаго, отдала русской сценѣ, и теперь настало время уступить мѣсто молодымъ силамъ, оставивъ за собой лишь руководящую роль. Оно и покойнѣе и лучше... Г-жа Велизарій... ахъ, почему мнѣ и многимъ другимъ критикамъ, не удается убѣдить эту талантливую актрису не братья за драматическія роли! Какъ ingéne comique, по своей жизнерадостности, бьющей ключемъ, г-жа Велизарій могла бы стоять въ ряду первыхъ актрисъ. Г-жа Пасхалова—чуткая актриса. Она хорошо играетъ Марику въ «Огняхъ Ивановой ночи» и слишкомъ густая краски кладетъ на роль Берты въ «Расплатѣ». Подробнѣе о нашемъ театрѣ—въ другой разъ.

А. П. Буровъ.

ВОРОНЕЖЪ. Лѣтній сезонъ прошелъ очень разнообразно. Въ театрѣ городского сада, подъ арендою г.г. Борисова и Болховитинова, спектакли открылись сравнительно съ преж-

ними годами очень рано. Съ 17-го апрѣля по 3-е мая шли спектакли опернаго товарищества подъ управленіемъ г. Ми клашевскаго. Хотя труппа состояла изъ весьма приличныхъ силъ (г-жи: Левандовская, Кунцева, Деканова и др. и г.г. Евгеньевъ-Дарскій, Полуновъ, Рыжковъ, Ошустовичъ, Барсовъ и др.) и оркестръ подъ управленіемъ г. Миклашевскаго производилъ очень хорошее впечатлѣніе, но матеріальный успѣхъ былъ слабъ, чему причиною была холодная и дождливая погода. Въ концѣ спектаклей принимала участіе солидная артистка г-жа Эйгенъ (колоратурное сопрано). Всего было дано 13 спектаклей. Публика относилась къ ней довольно холодно. Съ 7-го по 14-е мая были спектакли труппы московскаго Малаго театра съ г-жею Лещковскою во главѣ. Успѣхомъ пользовались, главнымъ образомъ, г-жа Лещковская, а затѣмъ—г. Яковлевъ 1-й. Публика посѣщала театръ охотно и сборы были очень хороши. Съ 16-го по 27-е мая театръ былъ занятъ кинематографомъ. Съ 29 мая по 23 іюня въ этомъ же театрѣ былъ данъ рядъ спектаклей опернаго товарищества, подъ управленіемъ г. Рѣвунова. Въ общемъ, составъ этой труппы и оркестръ были значительно слабѣе, чѣмъ у г. Миклашевскаго. Весь интересъ сосредоточивался на приглашенной такъ же и въ эту труппу, любимою здѣшняго публикою, артисткѣ г-жѣ Эйгенъ. Принимавшій участіе въ спектакляхъ италианецъ-теноръ г. Монтекукки успѣха не имѣлъ. Сборы подъ конецъ были слабы. Послѣ оперы, съ 24-го по 27-е іюня, были спектакли г. Ге, съ его труппою. Шли «Трильби», «Казнь», «Биронъ» и «Три сестры». Успѣхъ—средній. Далѣе появился клоунъ Дуровъ. Его спектакли съ 28-го іюня по 10-е іюля шли при полныхъ сборахъ. Затѣмъ по 29 іюля—снова кинематографъ. Съ 1-го по 3-е августа—фарсъ подъ управленіемъ г. Сабурова, съ участіемъ г-жи Воронцовой-Ленни. Сборы хороши. Наибольшій сборъ выпалъ на пьесы: «Ночь г-жи Монтессонъ» и «Господинъ отъ Максима». Въ афишѣ на этотъ спектакль было заявлено крупными буквами: «Простая дѣтей не приводить». У кассы была страшная давка и театръ былъ переполненъ. Случай довольно характерный. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что у г. Сабурова всѣ фарсы исполнялись очень бойко и гладко. Съ 7-го по 27-е августа фарсъ былъ смѣненъ драматическою труппою г. Покровскаго, дѣла которой шли не особенно блестяще. Между прочимъ 27-го августа были поставлены «Контрабандисты»—пьеса, какъ извѣстно, надѣлавшая много шума по другимъ городамъ. У насъ же она прошла вполне благополучно.

Другой воронежскій лѣтній театръ «Эрмитажъ», арендуемый г. Литваревымъ, вель свои дѣла сравнительно слабо. Сезонъ открылся 1-го мая опереткой подъ управленіемъ г. Левицкаго. Составъ труппы слѣдующій: г-жи: Панская, Ледгаръ, Райчева, Малиновская и др. и г.г. Зайцевъ, Кошевскій, Богдановъ, Петровскій, Левицкій и др. Женскій персоналъ публикѣ нравился, а г-жа Панская, кромѣ того, поражала богатствомъ и разнообразіемъ своихъ костюмовъ. Въ числѣ цѣнныхъ подарковъ ей подносились и брилліанты. Изъ артистовъ имѣли успѣхъ г.г. Зайцевъ, Богдановъ и Кошевскій. Труппа эта продержалась до 7-го іюля. Въ общемъ сборы были не особенно большіе. 28-го и 29-го іюня въ «Эрмитажѣ» дала 2 спектакля перешедшая туда изъ городского сада труппа г. Ге («Завѣщаніе» «Потемки души»). Затѣмъ до 10-го іюля театръ пустовалъ. Съ 11-го іюля въ «Эрмитажѣ» поселилась малороссійская труппа подъ управленіемъ г. Мирова-Бедюхъ. Составъ труппы далеко неважный, но, при дешевыхъ цѣнахъ на мѣста, труппа просуществовала все-таки до конца августа. Послѣ этого, со 2-го числа и до половины сентября въ «Эрмитажѣ» играла неизвѣстно откуда появившаяся «извѣстная нѣмецкая драматическо-опереточная труппа подъ упр. А. Жозефино». Труппа эта объявила, что спектакли будутъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ дѣйствительности же только незначительная часть говорила по нѣмецки, остальные же—по еврейски. Пьесы ставились исключительно еврейскія со слѣдующими названіями: «Куне-лемеле», «Дикла и Цикла», «Баръ Кохба» и т. п. Театръ все время былъ почти пустъ и посѣщался только горстью евреевъ. Сборы были обыкновенно рублей по 20—25, но труппа, съ назойливостью осенней мухи, продолжала играть до 16-го сентября. Этимъ закончился нашъ лѣтній сезонъ. Очень жаль было видѣть хорошенкій театръ «Эрмитажа» занятымъ малороссійскимъ гопакомъ или «Диклою и Циклою».

ВОЛОГДА. О лѣтнемъ сезонѣ въ Вологдѣ писать не приходится. Одинъ, два жалкихъ любительскихъ спектакля, а затѣмъ престижиджигаторы, профессоръ гипнотизма, хиромантикъ, синемаграфъ—вотъ каковы разнообразныя и поучительныя развлеченія у вологодскихъ обывателей въ лѣтнее время. Зимній сезонъ еще не начался. Городской театръ снялъ на зиму г. Бориславскій съ драматической труппой. Составъ и репертуаръ пока не объявлены. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ играть товарищество любителей драматическаго искусства, принимающее участіе только въ спектакляхъ попечительства о народныхъ развлеченіяхъ при обществѣ «Помощь». Это—уже сыгравшаяся труппа; есть недурныя силы, опытные любители, умный режиссеръ и избранный репертуаръ. До сихъ

поръ товарищество поставило въ августъ и сентябрь (въ театрѣ) три пьесы «Таланты и поклонники», «Правда — хорошо, а счастье лучше», «Друзья дѣтства». Съ 23 октября любители переходятъ въ свое обычное помѣщеніе, — зданіе для народныхъ чтеній. Здѣсь откроютъ сезонъ «Свои люди — сочтемся». Потомъ предложены: «Семья», «Въ старые годы». Въ среднемъ на каждый мѣсяцъ придется по 2 спектакля. О постановкѣ дѣла любителей, объ исполнителяхъ, репертуарѣ подробно скажу въ слѣдующемъ письмѣ. П. Е. Павловъ.

ОРЕЛЬ. 16 сентября въ лѣтнемъ театрѣ городского сада чуть не разыгрался значительный скандалъ на концертѣ-монстрѣ «свистуна» Заржецкаго, оповѣстившаго публику двухаршинной афишей о томъ, что въ концертѣ примутъ участіе «болѣе 500 птицъ, поющихъ днемъ и ночью», что свинья пропоетъ романсъ «Не увѣжай голубчикъ мой», а кошка — концертъ изъ оп. «Карменъ» и т. д. Въ заключеніе, г. Заржецкій, не жалѣя большихъ трудовъ и затратъ (?) обѣщавъ «исполнить въ первый разъ въ Орлѣ» фотографъ, чудо XX вѣка. Въ теченіе 9 секундъ сфотографируетъ всю публику, находящуюся въ театрѣ и каждый посѣтитель театра получитъ свою собственную фотографію отдѣльнымъ снимкомъ. Все это было очень заманчиво. Публика валомъ повалила, предвкушая пѣніе свиней, лошадей, кошекъ, собакъ, утокъ, пѣтуховъ, гусей и т. д.

Г. Заржецкій, появившійся на сценѣ одинъ, безъ «500 птицъ», довольно скверно подражалъ свисту, и затѣмъ самолично сталъ раздавать обѣщанные «снимки фотографіи», заключавшіеся въ осколкахъ зеркала. Въ результатѣ «концертантъ» едва не подвергся избіенію, и только благодаря своевременно принятымъ полиціей мѣрамъ, скандалъ устранили. При концертантѣ, г. Заржецкомъ, не оказалось паспорта. Сборъ находится на попеченіи въ полиціи. В. О.

ВИЛЬНА. Открытіе сезона состоялось 2 сентября въ Большомъ театрѣ. Сборъ былъ полный. Поставлена была «Каширская старина». Составъ труппы: г-жи Васильчикова, Кварталова, Лачинова, Лѣсовская, Погребова, Павловская, Самойлова, Степанова и друг. Гг. Андреевъ, Борисовъ, Добровольскій, Дмитриевъ, Жуковский, Микулинъ, Плотниковъ, Руссовскій, Смирновъ, Садовскій и друг. Режиссеръ И. И. Борисовъ, представитель труппы Л. М. Добровольскій, помощникъ режиссера Н. А. Стенановъ; суфлеры: Старовъ и Минаевъ, декораторъ Петерманъ.

Со 2-го сентября по 2-е октября были поставлены слѣдующія пьесы: «Каширская старина» (3 раза), «Злоба дня» (2), «Горе-злосчастье» (1), «Разладъ» (2), «Безправная» (2), «Пришла бѣда, растворяй ворота» (Les pauvres lionnes) (2), «Девятый валъ» (1), «Общество поощренія скуки» (2), «Фромонтъ младшій и Рислеръ старшій» (2), «Легкія средства» (2), «Урїэль Акоста» (2), «Кручина» (2), «Мышенокъ» и «Женихъ изъ долговаго» (1), «Шампиньонъ по неволѣ» (1).

Сборы, слабые въ первой половинѣ мѣсяца, что объясняется слишкомъ раннимъ открытіемъ сезона, прекрасной погодой и праздниками у евреевъ, составляющихъ главный контингентъ театральной публики, измѣнились къ лучшему съ 15-го сентября.

Въ настоящее время усиленно репетируютъ «Три сестры», «Новый мѣръ» и «Проблски счастья».

Вообще, чувствуется тяготѣніе публики къ костюмнымъ героическимъ пьесамъ и переводнымъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

драматическимъ сочиненіямъ, безусловно дозволеннымъ къ представленію.

(См. № 216 «Прав. Вѣстн.»).

1) Большая любовь. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ В. Протопопова, съ предисловіемъ профессора психіатріи П. И. Ковалевскаго.

2) Бѣшеная овечка. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ І. П. и Н. Глазунова (сюжетъ заимствованъ).

3) Война и миръ. Шутка въ одномъ дѣйствіи Высокаго.

4) Воспитатель Флакманъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ О. Эрнста. Переводъ Э. Матерна.

5) Въ служебномъ кабинетѣ. Комедія-шутка въ двухъ картинахъ Л. В. Корвинъ-Пиотровскаго.

6) Дикая утка. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Генрика Ибсена. Переводъ Э. Э. Матерна и А. П. Воротникова. Предисловіе Я. А. Ф—на.

7) Женщина съ моря. Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ Генрика Ибсена. Переводъ Э. Э. Матерна и А. П. Воротникова.

8) Заблудшій отецъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ А. Дюма-сына. Пер. Н. Коршъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ,

съ 8-го по 15-е октября 1901 года.

Александринскій театръ. 8-10 октября. «Старый домъ». 9-10 октября. Въ 1-й разъ: «Въ отвѣтъ», пьеса П. Д. Боборыкина; въ 1-й разъ: «Великая тайна», ком. В. А. Тихонова.—10-10 октября. «Старый домъ».—11-10 октября. «Въ отвѣтъ», «Великая тайна». 12-10 октября. «Послѣдняя жертва», пьеса А. Н. Островскаго.—13-10 октября. Спектакль, устраиваемый артистами Императорскихъ театровъ въ пользу ихъ больнаго товарища. «Золото».—14-10 октября. Утромъ: «Ревизоръ». Вечеромъ: «Много шуму изъ ничего».

Михайловскій театръ. 8-10 октября. «Durand et Durand». «St Francois» (Abonnement suspendu).—9-10 октября. «Le bon juge», «Frère te forte».—10-10 октября. «Безприданница».—11-10 октября. «Le bon juge». «Frère et forte».—12-10 октября «Огни Ивановой ночи».—13-10 октября, «Martée».—14-10 октября, «Martée».

Маринскій театръ. 8-10 октября. «Свадьба Фигаро».—9-10 октября. «Фаустъ».—10-10 октября, «Коппелія».—11-10 октября. «Садко».—12-10 октября. «Юланта», «Гензель и Гретель».—14-10 октября. Утромъ: «Жизнь за Царя». Вечеромъ: «Коппелія».

Редакторъ А. Р. Кугель

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О ВЪ Я В Л Е Н І Я

Въ редакціи журнала ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО

продаются слѣдующія пьесы:

Задача № 1371, шутка въ 1 д. В. Н. Карпинской, ц. 60 к.
Зава, пьеса въ 5 д. Пьера Бертонна и Шарля Симона, перев. О. Латернера, ц. 2 р.
Закатъ, очерки въ 4 д. кн. А. И. Сумбатова, ц. 2 р.
Злой духъ, ком.-шутка въ 3 д. В. В. Билибина, ц. 1 р. 50 к.
Преступленіе и наказаніе, др. сп. въ 10 к. Я. А. Дельера.
На старой мельницѣ, др. въ 3 д. А. Вевера, пер. Я. С., ц. 1 р. 50 к.
Рабыни веселья, ц. 2 р.
Письмо, драмат. этюдъ въ 1 д. И. А. Гриневской, ц. 60 к.
Поѣхала кума — невѣдомо куда, монологъ-пантомима Я. Дельера, ц. 60 к.
Пьеса для развѣзда, шутка въ 1 д. И. А. Гриневской, ц. 60 к.

Урокъ декламации, шутка въ 1 д. Марианна Говалевскаго, ц. 60 к.
Буреломъ, пьеса въ 4 д. А. М. Федорова, ц. 2 р.
Баба, др. въ 5 д. кн. Голицына (Муравлина) и Старцева, ц. 1 р. 50 к.
Возчикъ Геншель, др. въ 4 д. Г. Гауптмана, пер. В. Протопопова и Н. Леонарда, ц. 1 р. 50 к.
Михаэль Крамеръ, др. въ 4 д. Г. Гауптмана. Переводъ Л. Жданова, ц. 1 р.
Благодѣтели челоуѣчества, др. въ 3 д. соч. Ф. Филиппи. Перев. П. П. Немродова, ц. 2 р.
Дымъ отечества, комедія въ 4 д. В. А. Кожевникова, ц. 2 р.
Мими, ком. въ 5 д. Е. Владиміровой, ц. 2 р.
Подъ колесомъ, др. въ 4 д. Л. Жданова, ц. 2 р.
Бракъ, ком. въ 4 д. П. Ярцева, ц. 1 р.
Джіоконда, Г. Д' Аннунціо, пер. Анны Теркъ, ц. 1 р.
Потемки души (Исторія болѣзни Пытцова), пьеса въ 4 д. В. О. Трахтенберга, ц. 1 р.
Безправная, др. въ 5 д. Владиміровой, ц. 2 р.

Роковой дебютъ, шутка въ 1 д. П. Д. Л. ц. 60 к.
Волшебная сказка, пьеса въ 4 д. И. Потапенко, ц. 2 р.
Казнь, др. въ 5 д. Г. Г. Ге, ц. 1 р. 50 к.
Братья Карамазовы, др. сп. ц. 2 р.
Изумительныя превращенія, ком. въ 3 д. В. В. Билибина, ц. 1 р. 50 к.
Зимній вечеръ, въ 1 д. И. Я. Яковлева, ц. 60 к.
Купальные огни, Зудермана, пер. Гельмерсона, ц. 1 р.
Порохъ, ком. въ 1 д. В. В. Билибина ц. 60 к.
Пережитое, пьеса въ 4 д. Радзивиловича, ц. 2 р.
Пьеса въ пьесѣ, въ 1 д. М. А. Суворина, ц. 60 к.
Фрейлина, пьеса въ 4 д. Урванцева, ц. 2 р.
Замѣстительницы, пьеса въ 4 д. Бриэ перев. П. Гнѣдичъ, ц. 1 р.
Мими, пьеса въ 5 дѣйств. Владиміровой, ц. 2 р.

И другія.

При выпискѣ нѣсколькихъ пьесъ одновременно дѣлается скидка до 30%.

„КРЕМЪ АМИКОСЪ“ разрѣшается къ торговлѣ на общихъ основаніяхъ Спб. Стол. Врачеб. Управленіемъ, какъ не содержащее въ составѣ своемъ вредныхъ для здоровья веществъ, безъ всякаго, однако, ручательства въ полезномъ его дѣйствіи“. Спб., Сентября 27 дня 1901 г. Врачебный Инспекторъ *Стабичевскій*.

КРЕМЪ АМИКОСЪ (CRÈME AMYCOS).

Новый кремъ, составленный по указаніямъ спеціалистовъ, придаетъ и сохраняетъ свѣжій и здоровый цвѣтъ лица, уничтожаетъ веснушки, пятна, загаръ и красноту лица.

Кремъ Аминосъ необходимъ для сохраненія надолго красоты лица. Цѣна банки 1 р. 25 к.; въ Европейскую Россію высылаются 2 банки за 3 р. 50 к. Получить можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Оптовая торговля у изобрѣтателей.

Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія“ **И. ГОЛЛЕНДЕРЪ** С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13. № 3322. 4—2.

ТРИКОТАЖНО - ЧУ

ЛОЧНАЯ ФАБРИКА

Поставщицы Императорскихъ

С.-Петербургскихъ Театровъ.

№ 4402.

Л. ДОВОЛОВОЛЬСКОЙ.

С.-Петербургъ, уг. Можайской ул. и Мало-Царскосельскаго прооп., д. № 40—4.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ТРИКО.

ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА

„Театръ и Искусство“:

I. „БЛАГОДѢТЕЛИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА“, драма въ 3 д. соч. Ф. Филиппи.

Цѣна 2 руб.

II. „НОЧЬЮ“, шутка въ 1 д. П. П. Немродова. Одобрена и принята къ постановкѣ на сценахъ Московскихъ и Петербургскихъ Императорскихъ театровъ.

Цѣна 60 коп. 2—1

Объ дозволены къ предст. безусловно.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

М. Э. Тейнце.

„Жертвы житойскаго моря“, др. въ 5 д.—ц. 1 р.

„Фельстонный романъ“, ком. въ 1 д.—ц. 50 к.

„Современная спартакка“, монологъ—ц. 20 к.

„Настасья Минкина“, быт. др. въ 5 д. и 7 карт.—ц. 2 р. 1—1

Первые три пьесы можно выписывать только изъ Русскаго Театральнаго Общества (Спб., Николаевскія), въ пользу котораго авторъ пожертвовалъ экземпляры, а послѣднюю изъ Театральнаго отдѣла книжнаго магазина „Новости“ (Спб., В. Морская, 17).

Всѣ пьесы безусловно разрѣшены къ представленію по печатнымъ экземплярамъ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

М. Г. ЮЭЛЬСОНЪ.

Принимаетъ ежедневно отъ 11 до 9 ч. веч.

Леченіе. Пломбированіе.

Удаленіе и вставленіе

искусственныхъ зубовъ.

Вознесенскій пр., д. 21, кв. 8.

Помощь постоянная.

Вниманію

гг. артистовъ и любителей!

Только что поступила въ продажу въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы

новая, роскошно изданная книга въ 400 страницъ.

„Чтець - декламаторъ“.

Художественный сборникъ стихотвореній съ многочисленными портретами русскихъ поэтовъ и драматическихъ артистовъ.

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ Кіевѣ у И. И. Самоненко, Крещатикъ, д. 39.

2—1

Въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія сочиненія и труды

Ю. Э. Озаровскаго.

1) „Вопросы выразительнаго чтенія“ книга I, ц. 1 р.

2) „Вопросы выразительнаго чтенія“ книга II, ц. 1 р. 30 к.

3) „Наше драматическое искусство, цѣна 1 р.

4) „Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ“ (пособіе для режиссеровъ). Выпускъ I: „Недоросль“ Фонвизина, цѣна 6 рублей.

Театръ „ФАРСЪ“.

(ЗДАНТЕ ПАССАЖА, Невскій, 48. В. Итальянская, 19. Главный подъездъ съ В. Итальянской ул.) **Телефонъ № 2779.**

Дирекція: **А. М. Горинь-Горайновъ** и **В. А. Казанскій.**

РЕПЕРТУАРЪ

Съ 7-го Октября по 13-е Октября.

Воскресенье, 7 октября: 1) „Дорого обошлось“, ком. въ 1 д.; 2) въ 3-й разъ, „Столичное просвѣщеніе“, фарсъ въ 3 д., пер. И. Г. Ярова. Понедѣльникъ, 8-го: 1) „Роковой дебютъ“, шутка въ 1 д.; 2) въ 3-й разъ, „Маленькая чиновница“ (La petite fonctionnaire), фарсъ въ 3 д., перев. Р. Чинарова. Вторникъ, 9-го: 1) во 2-й разъ, „Въ потемнахъ“, ком. въ 3 д., пер. К. П. Ларина; 2) въ 1-й разъ по воз. фарсъ въ 3 д., имѣвшій исключительный успѣхъ, „М-ше Коралли и К°“. Среда, 10-го: 1) „Чашка чаю“, ком. въ 1 д., пер. съ фр. М. де-Вальденъ и А. Кейзеръ; 2) въ 1-й разъ, ком.-фарсъ въ 3 д., „Ея сновнице“, пер. съ фр. И. Г. Ярова и А. М. Горина-Горайнова. Четвергъ, 11-го: „Роковой дебютъ“, шутка въ 1 д.; 2) во 2-й разъ „Наказанный Донъ-Жуанъ“ (Le bon juge), ком.-фарсъ въ 3 д. А. Виссона, пер. А. М. Горина-Горайнова. Пятница, 12-го: 1) во 2-й разъ, „Ея сновнице“ ком.-фарсъ въ 3 д., пер. съ фр. И. Г. Ярова и А. М. Горина-Горайнова; 2) во 2-й разъ по возобн., „Ночь г-ни Монтезонъ“, фарсъ въ 3 д., пер. Н. А. Лухмановой. Суббота, 13-го: въ 3-й разъ, „Въ потемнахъ“, ком. въ 3 д., пер. К. П. Ларина; 2) во 2-й разъ по воз., „М-ше Коралли и К°“, фарсъ въ 3 д.

Начало спектаклей въ 8 ч. вечера.

Репертуаръ составленъ предположительно и можетъ быть измѣненъ по независящимъ отъ Дирекціи обстоятельствамъ.

Билеты на всѣ объявленные по репертуару спектакли можно получать ежедневно въ кассѣ театра съ 10 ч. утра.

Билеты, заказанные по телефону, сохраняются до 7½ ч. веч., послѣ чего поступаютъ въ общую продажу.

Главный администраторъ **А. И. Ивановъ.**

Новихки сезона.

Въ теченіе октября мѣсяца будутъ изданы новинки Александр. театра:

„**Комета**“, эпизодъ въ 4 дѣйств. В. О. Трахтенберга.

„**Лишенный правъ**“, пьеса въ 4 дѣйствіяхъ И. Н. Потапенко.

Желающіе заблаговременно получить оттиски, по 2 рубля за экземпляръ, благоволятъ обращаться исключительно въ контору журнала „Театръ и Искусство“.

СВОБОДЕНЪ

В. И. Невѣровъ.

Драм. резонеръ и режиссеръ (только въ большіе города). Адресъ: Москва, Театральное бюро.

1—1

№ 4415.